

Лена Сокол

Доктор
Красавчик

Лена Сокол
Доктор Красавчик
Серия «Manner», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63551941

Аннотация

Алиса сообщает жениху, что беременна, но новость его не радует: данное обстоятельство явно не входило в планы молодого, талантливого актёра. Теперь девушка остаётся одна и не представляет, как справиться с возникшими трудностями. Но судьба не любит нерешительных и уже приготовила для Алисы новые сложные испытания, а также встречу с горячим доктором, который готов протянуть ей руку помощи в обмен на обещание никогда не претендовать на серьёзные с ним отношения. Но так легко ли будет удержаться, если чувствуешь, что уже по уши влюбляешься в обаятельного красавчика?

Лена Сокол

Доктор Красавчик

*Посвящается тому,
кто научил меня улыбаться*

1

Алиса

– Вы беременны. – Говорит пожилой доктор.

И мой мир кружится.

– Точно? – Спрашиваю я, ощущая, как дыхание застревает в горле.

– Подтвердим, когда придут результаты анализов. – Врач берёт паузу и оглядывает меня настороженным взглядом. Видимо, пытается понять, обрадовала меня эта новость, или нет. – Но уже по данным осмотра и состоянию матки можно заключить, что вы на пятой-шестой неделе беременности. – Он вежливо улыбается. – Поздравляю.

Снимает перчатки и удаляется к раковине, чтобы вымыть руки. Затем садится за стол, поправляет очки и склоняется над бумагами, чтобы ещё раз пересмотреть данные моего

опроса.

– Можете одеваться. – Доносится до меня его голос.

– А... ага... – Бормочу я, опуская вниз ноги и неловко скатываясь с кресла.

Натягиваю бельё, чулки, юбку, а затем вдруг застываю, глядя в окно. Вслед за тёплыми осенними лучами, скользнувшими по моему лицу, на моих губах расцветает улыбка.

«У меня будет малыш».

«Так неожиданно и так... чудесно!»

Даже увидев заветные две полоски на тесте, я до конца не понимала, что происходит. Тогда я ощущала лишь страх, панику и растерянность, а теперь... теперь у меня в груди словно распускается дивный цветок – так тепло и радостно в душе, что хочется смеяться и петь.

А ещё хочется поделиться этой радостью со всем миром. Но для начала – нужно сообщить Никите.

Обрадуется ли он?

На секунду я пугаюсь, но тут же отметаю от себя нехорошие мысли. Конечно обрадуется! Мы уже год вместе. Я живу в его квартире, мы проводим всё свободное время вместе, мы понимаем друг друга с полуслова. И если бы не особенности его работы, то давно заявили бы во всеуслышание о нашей любви.

– Алиса Александровна?

– Да? – Я поднимаю взгляд на врача.

Мужчина окидывает меня внимательным взглядом из-под

толстых линз очков. Кажется, то, что он видит на моём лице, заставляет его успокоиться. Теперь его губ слегка касается полуулыбка.

– Присядьте, пожалуйста, выпишу вам направления и рецепты.

– Конечно. – Киваю я.

И пока делаю несколько неуверенных шагов до его стола, несмело касаюсь ладонью своего плоского живота. Я ещё ничего не чувствую, но уже люблю этого маленького человечка. Эти чувства ещё такие воздушные, неясные – ведь как можно любить того, кого ты ещё никогда не видел? Но я определённо это ощущаю.

– А УЗИ, доктор? – Он поворачивается ко мне, и я смущённо поднимаю руку и чешу за ухом. – Наверное, нужно сделать его, чтобы убедиться, что... он в порядке?

У меня нет опыта в таких делах, а почитать в Интернете я ещё не успела, потому и стараюсь задать сразу все интересные вопросы.

– Для первого скрининга ещё рановато. – Понимающе улыбается он. – Раннюю диагностику мы проводим по показаниям. Или вас что-то беспокоит?

– Нет. – Радостно мотаю головой я.

У меня крылья за спиной растут – вот единственное, о чём мне приходится беспокоиться сейчас.

После приёма я выхожу из женской консультации и чуть ли не вприпрыжку иду к стоянке. Сажусь в свой старый Шевроле, (который так ненавидит Никита, называя «дешманским»), открываю окна и завожу мотор.

Прежде, чем тронуть автомобиль с места, я всё-таки достаю телефон и набираю номер любимого мужчины. «Нет, не буду говорить о таком по телефону. Просто намекну, что, когда он через два дня вернётся со съёмок, его будут ждать романтический ужин и... кое-какой сюрприз».

У меня живот сводит от волнения и нетерпения, но ожидание привычно выливается в минуты.

Я набираю снова и снова, но Никита так и не отвечает. Что ж, это вполне нормально: в таком плотном графике съёмок у него часто нет времени, чтобы поесть, куда уж тут до болтовни по телефону.

– Перезвони, как освободишься. – Наговариваю я на автоответчик. – Люблю!

А затем, вздохнув, выезжаю со стоянки и вывожу машину на оживлённое шоссе. Набираю номер подруги и вставляю в ухо гарнитуру.

– Алё, Катюш! – Восклицаю я, едва на том конце слышится её голос. – Ты сейчас упадёшь! У меня та-а-акие новости!

– Алиса, подожди. – Говорит она.

Этот унылый тон сбивает с меня всё желание делиться радостью.

– Ка-а-ать! – Протестую я.

Нет, никто и ничто не испортит мне этот чудесный день.

– Алиса, тебе нужно срочно быть в офисе.

– Да знаю я! Я не опоздала, я это... отпросилась сегодня. – Объясняю я этой ворчунье. – Успеваю же к летучке, ну? Ты чего такая хмурая, не с той ноги встала? Я к тебе со всей душой, а ты!

– Да помолчи ты, Кукушкина! – Строго бросает подруга, а затем понижает тон до шёпота. – Тебе нужно срочно быть в редакции, поняла? Дело касается твоего Никиты!

– Что? В смысле?

– Просто приезжай.

Я выворачиваю руль и ударяю по газам.

Когда врываюсь в здание журнала, все сотрудники уже рассаживаются за широким столом в конференц-зале. Сквозь прозрачное стекло я замечаю, что Барракуды ещё нет, поэтому на ходу сдираю с себя плащ, швыряю на кресло, хватаю со стола планшет и, рискуя сломать каблучки, несусь к остальным.

К тому моменту, когда шеф-редакторша оглашает тишину пустого коридора цокотом своих каблучков, заставив сотрудников замереть от благоговения и страха, я уже сижу на своём месте в конференц-зале и торопливо приглаживаю во-

ЛОСЫ.

А когда она входит в помещение, никто уже, кажется, и не дышит, чтобы не вызывать её раздражения. Все мы знаем, что один недовольный взгляд Барракуды способен лишить рассудка, а один её окрик в два счёта доводит до сердечного приступа даже самых тренированных и стойких.

– Доброе утро, коллеги! – Стуча каблучками новеньких бежевых Jimmy Choo, она добирается до кожаного кресла во главе стола.

Мужчины затравленно смотрят ей вслед, а женщины взволнованно опускают взгляды. Я часто-часто моргаю, отгоняя от себя видения о том, как её острые шпильки вонзятся в моё горло за не вовремя сданный материал.

– Опять не в духе, – шепчет Катька, незаметно смахивая капельку пота со лба.

Мы все напряженны и ждём грома и молний.

Но нет – сегодня Барракуда на удивление в хорошем настроении. Она начинает летучку не с криков и даже не с брезгливых принюхиваний к поданному ей кофе: шефиня бросает на стол свернутый рулон. Тот ударяется о поверхность стола, резко раскатывается, и мы все видим, что это утренний выпуск газеты.

– Кукушкина! – Громыкает её голос.

И я едва не вздрагиваю:

– Да?

– Бери газету. Что ты там видишь?

Я протягиваю руку и под взглядами изумлённых коллег подтягиваю к себе выпуск какого-то издания.

– Жёлтая газетёнка...

– Справа внизу. – Указывает она ноготком с идеальным маникюром.

Я опускаю взгляд ниже и застываю. Что-то в сером, размытом снимке заставляет мои внутренности неприятно съёжиться. Под фото, на котором мужчина нежно обнимает женщину за талию и притягивает к себе, подписано: «Подающий надежды актёр Никита Дубровский на тайном свидании с молодой талантливой певицей Нелли».

3

– Ох... – Вырывается из моей груди.

– Вот именно! – Ударяет ладонью по столу Барракуда. Капельки кофе из её чашки пляшут по полированной поверхности столешницы. – Это же почти поцелуй! А вы знаете, что это значит?

Все молчат. Никто не смеет ответить «нет».

– Это значит, что впереди нас ждёт красивая, романтическая история любви! – Она восторженно закатывает глаза.

А я ощущаю, что меня подташнивает.

Моё сознание отказывается верить в то, что видят глаза. Это же мой ненаглядный Никитушка с какой-то чужой девушкой. И он *так* на не смотрит... Может, это кадр из како-

го-то фильма, в котором он снялся?

– Конечно, наше издание не того уровня, чтобы печатать подобные снимки и сплетни. – Взмахивает рукой Барракуда, нагнетая атмосферу. – Но у Дубровского и этой Нелли огромная армия поклонников, так?

– Так, так. – Шепчут присутствующие.

– А, значит, нам нужно в кратчайшие сроки получить эксклюзивный материал! Кукушкина!

– А? Что? – Я с трудом отрываюсь от изучения снимка.

– Ты не в деревне, Кукушкина! Какие «А, что?»?! – Раздражённо бросает шефиня. – Ты работаешь в уважаемом издании!

– Да, конечно. – Устало киваю я.

Этой стерве в кожаном жилете меня не запугать и не унижить.

– Помнится, во время прошлогоднего интервью ты наладила контакт с Дубровским, да? – Она делает несколько шагов и останавливается у меня за спиной. – Материал получился искренним, ярким...

– Да. – Подтверждаю я.

Тогда у нас с Никитой всё и закрутилось. Только об этом никто не знает.

– Вот и отлично. Свяжешься с ним, предложишь встретиться. Выведаешь мягко всё про этот роман, попросишь новое интервью – с ними, обоими. – Барракуда наклоняется и смахивает пылинку с газеты. Мечтательно проводит взгля-

дом по фото. – Это будет эксклюзив. Мы первыми расскажем миру об этом грандиозном романе. Все будут стоять на ушах! Шоу-бизнес, конкуренты, поклонники – все!

– Аллочка, это гениально! – Соскочив с места, аплодирует Владик – главный жополиз этого офиса.

– Знаю. – Коротко отмахивается она.

От гордости её соболиная бровь вздымается чуть ли не к линии роста волос.

– Но Алла Денисовна... – дрожащим голосом пытаюсь возразить я.

Вижу, как Катюха бросает на ЖопоВладика ненавидящий взгляд.

– Материал мне нужен срочно, и у тебя максимум неделя, Кукушкина! – Отмечает любые возражения Барракуда Денисовна. – А лучше справишься дня за три-четыре, поняла?

– Да... – отзываюсь я.

И что теперь мне делать, ума не приложу.

4

– Не берёт? – Катя наклоняется к моему столу.

Офис наполнен голосами, шумом телефонных звонков, суетой, запахами парфюма, кофе и корицы.

– Не берёт. – Констатирую я.

– Потому, что он – козёл. Я это тебе всегда говорила. – Разводит руками подруга.

– Не начинай. – Стону я.

Откладываю в сторону телефон и подпираю голову рукой. Если бы не злосчастные тени для век, которые я так старательно наносила утром, то с удовольствием помассировала бы сейчас глаза.

– Проблемы, девочки? – Врывается в повисшую между нами неловкость зануда Владик с зализанными на макушке волосами.

– Иди отсюда! – Не выдерживаю я, грубо отмахиваясь от него.

Мне сейчас не до вежливых формулировок. К тому же, от этого подлизы ужасно несёт приторными духами – не лучший запах для того, кто только готовится познакомиться со всеми прелестями токсикоза.

– Что, простите? – Встаёт в позу автор рубрики «Твоя карьера». (Кому, как не ему, знать всё и в мельчайших подробностях о взаимодействии в коллективе и всех возможных способах пробиться к солнцу нежного начальства? Вот такая вот забавная жизненная ирония). Мужчина обиженно складывает руки на груди. – Кукушкина, где твои манеры?

– Владик, мы обсуждаем кое-какие дела. – Мягко вступается за меня Катюшка, оттесняя его в сторону. – Ты иди, иди, ладно? Позже вместе кофейка попью, поболтаем...

– Я могу помочь, если что нужно. – Сопротивляется коллега.

Знаем мы его помощь! Скажи что-нибудь о своих прома-

хах или о личности Барракуды, как он доложит ей быстрее, чем ты успеешь моргнуть!

– Это... – Катя задумчиво хлопает его по плечу. – Это между нами, девочками, Владюш. Понимаешь?

– Но я...

– Ты же не хочешь стоять тут с нами и болтать об Алискиных болезненных месячных, да? – Картинно нахмуривается подруга. – Не хочешь?

Владик бледнеет, краснеет, морщится.

– Нет. Конечно же н-нет. Я... пойду. – Он бросает на меня брезгливо-сочувственный взгляд и ретируется в дальний угол зала, к своему столу, (играющему также роль наблюдательного поста).

Иногда мы шутим, что он там крестиками в журнале отмечает, кто и сколько раз отвлекся от дел во время рабочего дня.

– Дятел. – Шепчет Катюха, не отрывая взгляда от его костлявого, вихляющего зада, обтянутого узкими малиновыми джинсами.

Владик садится на кресло и с подозрением обводит глазами офис.

Я вздыхаю.

– Ну, так что? – Подруга садится на край моего стола.

Её глаза забираются буквально мне в душу.

– Что? – Я уныло опускаю плечи под этим взглядом.

Сдаваться – не в моих правилах, но, видимо, беременные

чувствуют всё острее. И это фото в газете, оно ощутимо подкосило меня.

– Что с твоим Никитой? Дашь ему от ворот поворот? Или, может, хотя бы, пенделя дашь? О-ох, как бы я зарядила по его бесстыжим яйцам, ох, как зарядила бы! – Катя мечтательно закатывает глаза.

– Нет. – Я решительно мотаю головой. – Уверена, что этому снимку найдётся достойное объяснение.

– Вот как... – Она меняется в лице.

Мне становится неуютно. Есть у Катюхи одна сверхспособность: она умеет чувствовать всё, что старательно прячешь между строк или под уверенной улыбкой. И как ни старайся, её не обманешь.

– Я не оправдываю Никиту. Честно. – Говорю я, старательно подбирая слова. – Мне и самой надоело прятаться, но... ты же понимаешь – таковы законы шоу-бизнеса. У него огромная фанатская база, и в основном это молодые девчонки. Они должны видеть, что сердце их кумира свободно. Надежда на возможные отношения с ним это... это и продажи билетов в кино, и абонементов в онлайн-кинотеатры, и прочее-прочее. Ты же понимаешь, что этим занимается целая команда специалистов, Кать?

– Понимаю. – Кивает Катюха.

А вот её лицо не собирается мне подыгрывать.

Подруге явно осточертело, что я каждый раз оправдываю Никиту.

Мне и самой это всё порядком надоело, но ведь теперь всё изменится, так? Беременность это же как сигнал, да? Сигнал о том, что пора всё менять. Пора выходить на следующий уровень отношений – теперь мы с Никитой семья. И пусть для карьеры это не в плюс, зато для будущего малыша...

Мои мечты разбиваются о недовольный Катин взгляд.

– Ну, так и? Ты позволишь ему целовать кого ни попадя, пока тебя нет рядом? Да? И только потому, что он хренов звездан?

Мы смотрим друг на дружку осуждающе. Мне очень хочется злиться на неё, но я не могу. Знаю, что подруга искренне переживает за меня.

– Нет, не позволю. – Уступаю я.

– Тогда напиши ему, потребуй объяснений! Скажи, что вы расстаётесь. Напугай его, в конце-то концов!

– Не могу. – Печально говорю я и подманиваю её пальчиком. Катя наклоняется ко мне, и я шепчу: – Я беременна, Катя. У нас с Никитой будет малыш.

– Ох...! – Громко выдаёт главная по рубрике «Твоя жизнь», затем закрывает рот рукой и впивается в моё лицо ошалелым взглядом.

– Ага. – Киваю я, не зная, толи радоваться мне теперь, толи горевать.

– Лучше б ты реально сказала мне сейчас о своих болезненных месячных! – Качает головой Катя.

– Я бы с радостью. – Пожимаю плечами. – Но месячные

ещё пару недель назад сказали мне «гуд бай».

5

Минуту, когда поняла, что беременна, я помню, как сейчас. Это было ещё до теста, спешно купленного в аптеке, и до момента посещения врача.

Я вдруг осознала, что что-то произошло. Что-то неуловимо поменялось в моей жизни. Звуки, запахи, ощущения, мир вокруг – всё было прежним, но стало каким-то другим. Или изменилось моё восприятие. С утра меня могло всё раздражать, а к вечеру беспричинно могла нахлынуть радость. Словно кто-то другой управлял теперь моими эмоциями, делая меня неуклюжей и совершенно беспомощной.

В то утро всё валилось из рук.

Никак не получалось сосредоточиться на статье, собрать заметки, аудиозаписи, отцифровать их, обработать. Я просто не могла сфокусировать внимание ни на одном из дел. Кофе показался горьким, авокадо на бутерброде почему-то воняло рыбой, а вместо сухой грудки на обед вдруг жутко захотелось вредного бургера, сочащегося мясным и майонезным соусами.

С трудом закончив оформление текста во что-то похожее на готовый к сдаче материал, я отправилась домой. В квартире было пусто: Никита уехал на съёмки, и там меня не ждало ничего, кроме одиночества, тишины и куска засохшей пиц-

цы. Но даже при мысли о нём у меня активно потекли слюнки.

– Нужно записаться в спортзал. – Подумала я, спускаясь по лестнице. – С таким аппетитом неизвестно что будет со мной дальше. Вот уже и лифчик жмёт – ничего себе, разьелась!

Ощущение счастья, полноценности жизни, нужности кому-то – всё это только способствовало набору лишнего веса в последнее время. И пусть я никогда не была моделью, но со мной рядом был красивейший из мужчин страны, поэтому и выглядеть мне хотелось достойно.

Представляю, что напишут таблоиды, когда узнают о нашем романе: «Простушка! Замухрыжка! Какая-то журналистка, она ему не ровня!» А уж если я наем щёки, как те, что были у меня в девятом классе...

– Ой! – Не дойдя до машины метров двадцать, я остановилась.

Странное ощущение, не дававшее мне покоя все последние дни, вдруг резко усилилось и зазвучало почти сигнальной сиреной.

– Ой... – Я сделала ещё пару шагов и снова остановилась.

Теперь я отчётливо чувствовала, как налившаяся грудь ноет буквально на каждом шаге. Странно. Она явно стала больше, с трудом уместается в бюстгальтер – похожие ощущения как при месяч...

«О, боже, нет!»

Лихорадочно перебрал в памяти все числа и даты, я достала телефон. Открыла машину, плюхнулась на сидение и уткнулась на экран смартфона. Заметки в приложении подсказывали мне, что «весёлые деньки» ожидают меня через... через... Две недели назад!

Вот. Это. Новости.

В ту секунду я ещё не понимала, что чувствую. Всё смешалось. С одной стороны – у меня самый пик карьеры, больше всего возможностей стать успешной в выбранной профессии, доказать всему миру, что я чего-то могу. Двадцать восемь лет: жизнь только начинается!

С другой стороны – у меня впервые нормальные, серьёзные отношения с кем-то. Да не просто с кем-то – с красивым, умным, достойным мужчиной, которого я люблю. Никита – мечта каждой женщины. Мне очень повезло с ним. Сделать паузу в карьере и родить ему ребёнка – это ли не счастье?

Но... будет ли он рад?

Это было второй важной мыслью.

Я вспомнила, как порвался презерватив. «Ничего страшного», – сказал тогда Дубровский. Что это означало? Он не хотел, чтобы я волновалась? Намекал, что даже если я забеременею, он только обрадуется? Ведь так?

Ох, любим мы, женщины, додумывать, сочинять что-то и надеяться, что всё выдуманное нами непременно воплотится в реальность! Нам так хочется быть счастливыми, что мы сами рады обманываться. Верим всему, что говорят. А о чём

молчат – принимаем за многозначительные обещания.

Так что же Никита имел в виду?

Я влетела в аптеку, едва не поскользнувшись на высоких шпильках и с трудом удержав равновесие у прилавка. Запылавшись, попросила тест. Фармацевт посмотрела на меня понимающе: наверное, так и выглядят несчастные, кому не терпится погадать на палочке с полосками – беременна, не беременна, крестик или нолик, пан или пропал, карьера или подгузники с сомнительным содержимым.

Уже через двадцать минут я и сама знала ответ на свой вопрос.

Руки продолжали мелко дрожать, в ушах шумело, а сознание уносилось куда-то в космос. «У меня будет ребёнок. Ребёнок». Я не могла поверить. «У нас будет малыш!»

Тогда жутко захотелось позвонить и сообщить новость Никите, но я решила повременить, чтобы узнать всё точно. Записалась на приём к врачу и до утра ворочалась в холодной постели, представляя, как круто изменится моя жизнь.

Странно, но мыслей о том, чтобы не рожать, у меня даже не было. Как, вообще, такое возможно? Избавиться от плода любви? От частички любимого мужчины? От совместно-го будущего? От материнства? Нет, это было невозможно, и никак не укладывалось в голове.

Я потеряла мать, когда мне было всего двенадцать, и теперь воспоминание о том дне стало самым страшным в моей

жизни. Она ушла в мой день рождения, умерла буквально на моих руках. С тех пор я ни разу не справляла этот праздник, запрещала поздравлять себя в этот день и ощущала гнетущее, раздирающее душу одиночество.

Свой следующий день рождения в октябре должен был стать первым днём рождения, который я собиралась по-настоящему отметить в кругу близких – и всё потому, что я больше не была одна, со мной был мой Никита. А скоро... скоро нас будет уже трое.

Положив руку на живот я ничего не почувствовала, но тут же стало спокойнее, и я смогла уснуть. Снова приснился момент нашей первой встречи с Никитой.

Я уже два года работаю в журнале, но всё ещё считаюсь новенькой. Мне не доверяют серьёзные статьи и интервью с крупными звёздами, но мы теперь очень дружны с моей коллегой Катей, и она меня опекает: помогает, наставляет, подсказывает почти на каждом шагу.

В тот день со скандалом увольняется ответственная за рубрику «Интервью» Варвара, и Барракуда поручает мне связаться с агентом начинающего актёра Дубровского и договориться о встрече.

Если бы я хоть что-то знала о Никите, то меня трясло бы от волнения, но сериалы я смотрела разве что от Нетфликс, а фамилия Дубровский была мне знакома только по школьной программе седьмого класса.

– Можете подъехать сейчас? – Торопливо спрашивает

агент.

– Конечно! – Не задумываясь, отвечаю я.

– Тогда жду.

Он называет адрес, я прыгаю в такси и по дороге изучаю биографию актёра по данным из Интернета. Холост, успешен, хороший достаток. «О чём же я буду его спрашивать?» – крутится в голове. Наверняка, этот сериальный актёришка недалёкого ума. И даже десятки его снимков, размещённых в сети, ничем не впечатляют меня.

Но стоит мне увидеть его вживую, как земля под ногами пошатывается.

Меня проводят в его гримёрку.

– Привет. Подождёшь минуту? – Вместо приветствия бросает он мне, точно старой приятельнице.

– Конечно. – Выдавливаю я, из-под опущенных ресниц наблюдая за тем, как он скидывает с себя гусарское обмундирование и ловким движением сдирает со щеки бакенбарды. – К-конечно...

Там есть чем залюбоваться. Литые мышцы, плоский живот, изящная пластика движений. Никита молод, крепок и очень хорош собой. Его светлые волосы прекрасно оттеняют прохладную синеву глаз, а улыбка магическим образом лишает дара речи. Этот мужчина уверен в себе и точно знает, какое впечатление производит на женщин.

– Пожалуй, я готов. – Поправив воротник рубашки, очаровательно улыбается он.

– Где вам будет удобнее пообщаться? – Невольно краснею я.

– Как тебя зовут? – Мужчина приподнимает бровь.

– Алиса.

– Никита. – Он пожимает мою руку, но не спешит её отпустить. Продолжает смотреть мне прямо в глаза и улыбаться.

– Что скажешь, если мы сбежим отсюда, Алиса?

– Куда, например? – Растерянно и глухо бормочу я.

– Да хоть в страну чудес. – Смеётся Никита.

6

– Ты чего зависла? – Хмурится Катька.

– Я? – Пытаюсь сфокусировать на ней свой взгляд.

– Ты-ты. Что, говорю, делать теперь собираешься? – Она опирается локтями на мой стол и шепчет: – Неужели, оставишь ребёнка?

– Что? – Я едва не подскакиваю. – А как, по-твоему, я должна поступить? Уби-и-ить его?

– Ну... – Подруга пожимает плечами. – Плод пока размером с горошину. Аборт это, конечно, ужасно, но как рожать от того, кто тебе не верен?

– Катя! – Задыхаюсь от возмущения я.

– А как же твоя карьера? Кто будет тебя содержать, если этот тип на тебе не женится? – Катя разводит руками.

Для неё ситуация ясна как день.

– Мы об этом не говорили, – я обвожу взглядом офис. Наш приглушённый разговор заинтересовал не только Владика: половина сотрудников журнала уже искоса следят за происходящим. – Свадьба это не главное. – Оправдываюсь я. – Главное, что мы любим друг друга.

– В таком случае, снимок в жёлтой газетёнке подделка? – Не сдаётся подруга.

– Я думаю, этому найдётся объяснение. – Говорю я, сама до конца не веря.

– О, да. – Закатывает глаза она. – Ровно так же, как и тому, почему никто не должен знать о вашем романе, да? И о том, почему его рука лежит на талии этой Нелли? И о том, почему он пожирает её глазами? У Дубровского на всё всегда находится объяснение!

Последние слова сказаны так громко, что несколько коллег оборачиваются и смотрят на нас.

– Алиса готовится к интервью. – Отмахивается от них Катя.

Я встаю, взбешённая её поведением, хватаю сумочку и бросаюсь к выходу из офиса. Плевать на Барракуду, на её задание, на Катю с её грубостью, мне срочно нужно привести сейчас свои нервы в порядок!

– Алис, да подожди ты! – Догоняет меня подруга уже возле лифтов.

– Что? – Разворачиваюсь к ней, нацепив на лицо решительность. – Хочешь сказать мне ещё что-то обидное?

– Да я не... – Мнётся она.

– Неужели, ты не видишь, что я и так расстроена из-за этого снимка в газете? Зачем меня добивать?

Катя кладёт мне руки на плечи и заглядывает в глаза.

– Прости, Алис. – Она вдыхает и выдыхает. – Я... я хотела тебя поддержать, правда. Просто обидно стало. Я же тебя люблю, и ты достойна лучшего, чем все эти тайные отношения, а тут ещё этот снимок. Ты же знаешь, я этому твоему Дубровскому никогда не доверяла! Кому, как не нам, знать, какое самомнение у этих звёзд. – Катя притягивает меня к себе, крепко обнимает, затем отпускает и снова смотрит в лицо. – Я просто хочу, чтобы ты была счастлива. Расскажи ему, поставь ультиматум: если он тебя любит, то не должен больше скрывать ваших отношений!

– А я и не стремлюсь афишировать наши отношения. – Спокойно отвечаю я. – Если для его карьеры важно держать всё в тайне, пусть будет так. Тем более, что Барракуда тоже будет в бешенстве, если узнает о нашей связи.

Катя вздыхает.

– Тогда, хотя бы, пусть объяснит, что у него с этой Нелли.

– Я ему позвоню. – Обещаю я.

– Позвони лучше сразу его агенту. Или продюсеру. Или кому-то из приближённых. – Подруга берёт меня за руку. – Позвони, пусть проведёт тебя к нему на съемки. – Она сжи-

мает мою ладонь в своей. – Тем более, повод есть: ты должна взять у него новое интервью.

Эта подсказка оказывается как нельзя кстати.

– Хорошо.

Через пять с половиной часов я уже в другом городе: вышагиваю по широкому павильону, заставленному декорациями. Девушка-ассистент, встретившая у входа, проводит меня через дебри коммуналок, общежитий, богатых залов – декорации сменяют одна другую, затем мы останавливаемся у одной из гримёрок.

– Там. – Указывает она, и её взгляд падает на часы. – У него ещё минут десять перед началом следующего этапа съёмки.

– Спасибо. – Киваю я и направляюсь к нужной двери.

– Да не за что. – Отвечает девица.

Я стучу в дверь, на которой криво приклеена бумажка с фамилией «Дубровский».

Он отзывается не сразу.

– Войдите. – Слышится после паузы.

– Никита, это я. – Говорю, протискиваясь в узкое помещение, заставленной мебелью, зеркалами и реквизитом.

– А-а, ты... – Нахмуривается мужчина, закатывая рукава на рубашке.

Моё сердце затапливает нежностью. Едва заглядываю в его родные до боли светло-синие глаза, вспоминаю все наши

бурные ночи и все совместные ленивые завтраки.

– Я тебе звонила, но ты не отвечал. – Улыбаюсь я, не решаясь сделать шаг.

– Привет. – Он делает это за меня. Приближается, сгребает меня в свои объятия. Трётся колючей, едва начавшейся пробиваться щетиной о мою щеку и торопливо тычется губами в губы. – А я даже не знаю, где мой телефон. Суета, сама понимаешь! Съёмки!

– Конечно понимаю. – Улыбаюсь я.

Мой взгляд падает на смартфон, лежащий на туалетном столике рядом с его часами и кошельком, но я решаю промолчать – мало ли, чего не бывает в такой суматохе.

– Ты... чего примчалась? – Спрашивает Никита, выпуская меня из объятий.

– Мне нужно поговорить.

– Что? Машину мою разбила? – Усмехается он.

Но едва заметное напряжение выдают его застывшие уголки губ.

– Ты же знаешь, я в офис езжу на своей. – Напоминаю я. «Никто не должен знать, что мы встречаемся».

– Да-да. А что тогда?

– Я... видела снимок в газете. – Произношу эти слова, и моё сердце сжимает тоска. – Ты обнимал ту девушку... Нелли.

– Ах, это. – Его губы искривляет раздражённая усмешка.

– Это правда? Между вами... что-то есть?

По моей спине пробегает холодок.

Никита делает два шага назад, берёт со стула галстук и нервно прилаживает к воротнику.

– Очень похоже на допрос. – Брезгливо говорит он.

Мне вдруг становится стыдно за то, что я потребовала объяснений. Я понимаю, что это неправильно, и что имею право знать правду, но осанка любимого мужчины, его недовольный взгляд, напряжённое лицо заставляют меня съёжиться и пожалеть о том, что набросилась на него с расспросами вот так – с порога.

– Мы с тобой живём вместе. – Напоминаю я, делая шаг в его сторону. – Никит, я должна знать, честен ли ты со мной. Если это кадр со съёмок, так и скажи. А если вы с ней встречаетесь...

– Да, мы встречаемся. – Дубровский расправляет плечи.

– Что?

У меня ноги слабеют от противной беспомощности. Унизительно слышать такое от того, кем не могла надышаться всё то время, пока мы были вместе.

– Новая стратегия моей пиар-команды. – Говорит он как-то обыденно и даже буднично, будто сообщает мне, что купил круассаны на завтрак. – Мы теперь встречаемся с Нелли. Для всех вокруг – мы пара. Мои имиджмейкеры считают, что это отличный ход для развития моей карьеры. Пока мы оба на пике, для нас это не только обмен аудиторией, но и возможность создать нехилый шум вокруг наших персон

на ближайшие пару лет. Тайные встречи, робкие свидания, первое признание на людях, ссоры, примирения, расставания, воссоединение и прочее – всё это шикарные информационные поводы на будущее.

– Никита, а как же я? – Вырывается у меня.

Сердце клокочет где-то в горле, глаза обжигают слёзы.

Я отказываюсь верить в то, что ему самому приятна мысль о том, чтобы изображать с кем-то любовь. Это же просто озвученный им чей-то чужой текст. Не может же он вот так легко поставить меня перед фактом, что для всего мира он теперь будет чужим женихом, а не моим?!

– А что ты? – Улыбается Никита. Подходит, берет меня двумя пальцами за подбородок и притягивает к себе. – С тобой у нас всё по-прежнему, детка.

– Но на людях ты собираешься целоваться с другой?! – Вырываюсь я. – Я правильно поняла?

На его глаза опускается ледяная завеса. Дубровский меняется в лице.

– Слушай. – Цедит он, бросая нервный взгляд на часы. – Препираться тут с тобой мне сейчас некогда, меня ждут на площадке. Если у тебя есть ещё вопросы, обсудим их дома, ладно?

Мужчина выдавливает подобие улыбки, берёт со спинки стула пиджак и направляется к двери.

– Никита!

Дубровский оборачивается, и я понимаю, что не узнаю

его. Холодный, равнодушный, циничный. Кто это, вообще?

– Что? – Выдыхает он, явно давая мне понять, что я напрасно трачу его бесценное время.

– Я... беременна.

Мои руки дрожат, поэтому я сжимаю их в кулаки. Мне кажется, эти два важных слова должны волшебным образом всё исправить, но этого почему-то не происходит.

– В смысле? – Переспрашивает Никита.

Кажется, он не расслышал.

– Без смысла. – Пожимаю плечами. – Я беременна.

– Это шутка? – Хмурится он.

Мне не нравится эта напряжённая складка, пролёгшая меж его бровей.

– Я ношу под сердцем твоего ребёнка, – объясняю я, настороженная его реакцией.

Мне хочется оставаться спокойной и уверенной, но голос меня подводит.

– Сделаем вид, что я не слышал этого. – Мужчина вдруг грубо хватает меня за локоть и подталкивает к двери. Мы выходим в тускло освещённый коридор с высокими потолками, и уже там он останавливается, достаёт из кармана пиджака несколько купюр и суетливо вкладывает мне в руку. – Это на аборт.

– Ч-что? – Я смотрю на него с непониманием.

– Мне пора. – Бросает Никита на ходу.

– Я не стану этого делать. Я не убью нашего ребёнка! Как

ты можешь такое говорить? – Кричу я слишком громко.

Это заставляет его развернуться и снова подойти ко мне.

– Я не просил тебя об этом, Алиса. – Цедит он сквозь зубы, опасаясь, что кто-то услышит. – *Я не просил тебя беречь.* Мне это не нужно!

– А как же **мы**? Ты и я? – Дрожа всем телом, спрашиваю я, хотя прекрасно понимаю, что никаких «мы» уже нет.

– Если ты хочешь, чтобы всё было по-старому, избавься от него. Если не сделаешь этого, у нас всё, поняла? – Буквально выплёвывает он мне в лицо.

Я широко распахиваю глаза. Кто этот нависающий над мной мерзавец? Кто он? Я никогда не видела Никиту таким и не понимаю, как он мог скрывать эту свою личину всё это время. От шока у меня кружится голова, и трясутся поджилки.

– Значит, у нас всё. – Тихо произношу я.

– Вот и славно. – Равнодушно кивает мужчина. – Я пришлю кого-нибудь за ключами от квартиры.

7

Мне трудно дышать.

Если вы не знали, как рушится мир, то это происходит именно так. Всё, что казалось вечным и незыблемым в один миг превращается в ничто.

А была ли любовь? Или я её сама себе придумала? Дори-

совала необходимые детали реальности, а Никите мысленно прибавила недостающие черты. Всё, во что я верила, и чем жила, оказалось ложью, и он меня просто вышвырнул из своей жизни, как только на горизонте объявилась другая.

А, может, это и не её вина. Может, она станет следующей жертвой его бесчувственности? Точно так же поверит, влюбится, откроется ему, а потом...

Всё это уже не моё дело.

Я еду по дороге и рыдаю в голос. Задыхаюсь, давясь собственными всхлипами, размазываю горячие слёзы по лицу. В туманной слёзной каше перед глазами мелькают огни встречных фар и кривая лента дорожного полотна. Мне просто не хочется больше жить.

Когда женщина узнаёт, что беременна, она понимает, что случилось чудо. И это маленькое чудо теперь внутри неё. Она ждёт, что, услышав эту новость, избранник будет также восхищён и обрадован, как и она сама, что у него загорятся глаза и задрожат ладони. От счастья. Но, к сожалению, иногда бывает по-другому. Бывает больно, дико, несправедливо, и кажется, что больше незачем жить.

«Па-ба-а-а-ап!» – сигналил грузовик, и этот низкий, гулкий звон разрывает моё сознание пополам.

Я вздрагиваю, возвращаюсь к действительности и судорожно хватаюсь за руль. Машину бросает из стороны в сторону. С трудом выруливаю к обочине, останавливаюсь и включаю аварийку.

Падаю на руль лицом и, сотрясаясь всем телом, кричу. Или вою. Или скулю. Звуки, которые покидают моё тело, больше похожи на беспомощный визг раненой собаки, попавшей под автобус. Мне хочется, чтобы с ними покинула тело и душа, но это так не работает. Слёзы и крики не приносят облегчения, они лишь опустошают.

– Девушка? Девушка! – Кто-то настойчиво стучит в окно. А я вообще не понимаю, где я, и что происходит.

Для меня всё потеряло значение.

– Девушка! – Этот кто-то открывает дверцу и заглядывает в салон.

Я вбираю носом воздух и чувствую, как сильно жжёт горло. Мой кашель теряется в булькающем звуке беспомощного всхлипа.

– Это оживлённая трасса, здесь нельзя останавливаться. Вы создаёте аварийную ситуацию, я прошу вас немедленно...

Его голос обрывается, едва я отнимаю голову от руля и поднимаю на него мутный взгляд.

– У вас всё в порядке? – Спрашивает озадаченный моим видом молоденький инспектор в форме.

– Да. – Отвечаю я.

И двумя руками смахиваю слёзы с лица.

Вижу черноту на пальцах: значит, тушь потекла. Наш журнал размещал рекламу этой туши на развороте в прошлом месяце, и она обещала волшебную суперстойкость. Опять

обман. Чудес не бывает. От обиды накатывает новая волна слёз, и мне приходится стиснуть зубы, чтобы сдержать её.

– Вам нужна помощь? – Интересуется он растерянно.

И в этот момент я понимаю, что мне нельзя раскисать. И эта дикая боль, разрывающая грудь, вдруг придаёт мне сил. Надо жить. Надо держаться. Надо сделать это всем назло!

– Нет, уже всё нормально. Я в порядке. Честно. – Твержу я, громко всхлипывая и откидывая волосы с лица. Светлые пряди липнут к щекам, но я отлепляю их и отбрасываю назад. – Всё. Хорошо.

Размазываю остатки макияжа ладонями по лицу и пытаюсь криво улыбнуться.

– Точно? – Поглядывает на меня с недоверием инспектор.

– Да. – Ожесточённо киваю я. – Просто ноготь сломался.

Бывает, знаете ли.

И закусываю губы до боли.

– Хорошо. – Инспектор догадывается, что дело не в ногтях, но больше вопросов не задаёт. – Счастливого пути...

А когда дверца закрывается, мне нестерпимо хочется упасть на руль лицом и продолжить рыдать. Но я этого не делаю. Собираю силы в кулак и завожу мотор. Выезжаю на трассу и вливаюсь в поток автомобилей.

Моей решимости быть сильной хватает ровно до того момента, как я переступаю порог нашей с Никитой квартиры. Здесь повсюду его одежда, запах его парфюма, его сигареты на подоконнике. Паника накатывает с новой силой, но я

вдруг останавливаюсь и понимаю, что у нас нет даже совместных фото на память, кроме тех, что остались на телефоне – нечётких, смазанных, сделанных буквально в темноте кинотеатра на ночном сеансе.

У нас никогда не было нормальных отношений.

Никогда.

Боже...

Мы выходили куда-то только под покровом ночи – чтобы его не узнали. Мы ездили отдыхать только в закрытые дома и отели – чтобы не одолевали фанаты. Мы снимали гостиницы на моё имя – чтобы никто не слил информацию о нём в сеть. Никита даже не знакомил меня ни с кем из своих друзей. Почему? Да потому, что стеснялся меня и не планировал ничего серьёзного.

Кошмар.

И почему осознание приходит так поздно?

Я всё это время была лишь уютным запасным аэродромом, на который можно было завалиться после съёмок. Не нужно было напрягаться и соблазнять кого-то. Набрал номер Алисы, и вот рядом с тобой уже живая, готовая на всё, женщина. А с тех пор, как я переехала к нему, ещё и ужин, чистое бельё, массаж, секс и тёплая постель.

Очень удобно.

Я бросаюсь в спальню, выкатываю из-за двери свой чемодан, открываю и начинаю яростно кидать в него свои вещи.

Жаль, что не сохранила за собой прежнюю съёмную квар-

тиру, сейчас даже некуда идти. Можно попробовать найти место в гостинице, но чем платить, если меня скоро выпрут из журнала? К отцу точно не пойду, но куда тогда? Завалиться к Кате? Или к Лесе? Она живёт ближе.

Мои размышления прерывает звонок в дверь.

Никита?

Передумал, понял свою ошибку, помчался за мной, чтобы всё исправить?

Сначала мне хочется броситься к двери, но затем я выдыхаю, расправляю плечи и направляюсь в коридор медленным шагом.

– Кто? – Спрашиваю тихо.

– Андрей. – Слышится с той стороны.

Я знаю этот голос. Андрей – охранник Никиты, часто сопровождает нас в различных поездках. Сдержанный, немногословный мужчина.

– Здравствуйте, – говорю я, приоткрывая дверь.

– Привет. – Усмехается он, наваливаясь на косяк.

Раньше охранник не допускал в мою сторону ни подобных наглых взглядов, ни фамильярности.

– Что-то случилось? – Интересуюсь я настороженно.

– Никита попросил меня забрать ключи от квартиры.

– Вот как... – Запинаюсь я. – Хорошо... Скажите, куда их завезти, я завезу их утром.

– Ты не поняла. – На его лице расцветает хамоватая улыбочка. – Я заберу их сейчас.

Я гордо вздымаю голову:

– Сейчас?

– Да. – Мужчина бесцеремонно ставит носок туфли в дверной проём.

Да что он себе позволяет?!

– Эй!

Моё сердце замирает. Впервые в жизни мне становится по-настоящему страшно.

– Что такое? – Смеётся он.

– У меня есть полчаса? – Спрашиваю я.

Мой голос дрожит.

Однажды я уже видела этот взгляд. Отец загулял и не встретил меня зимой после школы. Мне было тринадцать или четырнадцать. Две русые косы до талии, неказистое пальтишко, тонкие сапожки, не способные защитить от мороза. Я ждала его: то на улице, то обратно заходила в фойе школы, чтобы погреться. Наконец, отважилась и побрела в сторону дома одна по тёмным переулкам.

Помню, как завывал ветер, как кружил хлопья снегами под ногами. У меня зуб на зуб не попадал, щёки больно щипало от мороза. А я всё шла, не чувствуя ног, и про себя разговаривала с мамой – так, будто она была рядом со мной,

будто подбадривала, уговаривала держаться.

До дома оставалось метров сто, когда длинная чёрная тень вдруг отделилась от фонарного столба и метнулась ко мне.

– Замёрзла? – Спросил незнакомец в надвинутой на лоб шапке.

Я молчала и смотрела на него снизу вверх во все глаза.

– Пойдём со мной, я тебя согрею. – Сказал он и усмехнулся точно так же, как этот Андрей.

Быстро оглядевшись по сторонам, он схватил меня за воротник пальто и потащил в темноту. Я успела лишь беспомощно пискнуть, а затем он закрыл мне рот рукой. Втащил в какое-то затхлое место, подвал или подъезд, привалил к стене и стал щупать. Влез рукой под пальто, больно сдавил грудь, затем потянул за резинку брюк.

От него ужасно воняло табаком и перегаром. Это всё, что я запомнила. Я почти сдалась, когда он стал торопливо стягивать с меня одежду. Заледенела изнутри и снаружи, стала как дерево, чтобы не чувствовать того, что должно было неминуемо произойти дальше.

– Ты что, скотина, делаешь?! – Заорала вдруг какая-то женщина.

Это была дворничиха. Кажется, она обрушила на его голову свою тяжелую метлу. В этот момент его хватка ослабла, я смогла вырваться, выбежала на улицу и понеслась вперёд, не различая дороги. Не помню, как добежала до дома.

Отец пришёл ближе к десяти вечера.

Извинялся, что забыл обо мне. Плакал, когда узнал, что произошло. Кричал, звонил в Полицию, требовал найти и наказать негодяя, но под приметы, выданные мной, подходил чуть ли не каждый мужчина нашего района. Папа корил себя за этот случай, долго просил у меня прощения, и я делала вид, что верю ему. Хотя знала: он предаст ещё не раз. Просто такой человек. Ненадёжный.

– Если хочешь, займёмся чем-нибудь интересным, а сборы вещей отложишь до утра? – Андрей кладет руку на дверь.

К горлу подкатывает тошнота, в висках начинается пульсация – признаки подступающего приступа паники.

– Полчаса мне хватит. – Улыбаюсь я. – Подожди меня... снаружи.

И не дав ему опомниться, отталкиваю мужчину и захлопываю дверь.

– Эй! Открой! – Он ударяет по дверному полотну ладонью.

Но я уже поворачиваю задвижку.

– Я позвоню Никите, он тебя уволит! – Зачем-то кричу я.

Из подъезда раздаётся смех.

– Ты больше не его подстилка! Какая тебе разница, с кем трахаться? Хочешь, я тебе заплачу?

Я закрываю рот рукой. Медленно сползаю вниз по стене.

Вот кем считали меня все его сотрудники и подчинённые – подстилкой. Не лучше обычной уличной девки, шлюхи.

Вот кем я для них была.

Андрей ещё пару раз барабанит в дверь, затем, выругавшись, уходит.

Наверное, обоснуется в машине и будет меня ждать.

Собрав остатки сил в кулак, я поднимаюсь и иду собирать вещи. Меня некому защитить. Я могла бы позвонить отцу, но не хочу. Ни слышать, ни видеть его просто нет никакого желания.

Застегнув чемодан, достаю телефон, открываю приложение и вызываю такси. Прошу таксиста подняться за мной в квартиру, обещаю за это хорошие чаевые. Через двадцать минут автомобиль уже на месте, а у моей двери появляется невысокий черноглазый мужчина с сильным южным акцентом.

– Я твой чемодан не носить. – Предупреждает он.

– И не нужно. Я сама. – Вздыхаю я, закрывая квартиру и подхватывая тяжёлую поклажу.

Рядом с ним мне спокойнее.

Мы едем в лифте, затем проходим мимо консьержки, затем таксист любезно открывает мне двери. Я не сразу вспоминаю о том, что чемодан можно наклонить, поставить на колёсики и катить – настолько я взвинчена. А когда хочу это сделать, передо мной вырастает фигура Андрея.

– Ключи. – Говорит он.

Вкладываю связку в его потную ладонь и, подхватив че-

модан, выхожу на улицу. Мужчина хочет что-то сказать мне вдогонку, но оглядев моего спутника, сдерживается.

Мы с таксистом проходим метров двадцать до машины. Я сама поднимаю свой багаж и запихиваю в машину – таксист не обязан мне помогать, в его лице ни тени беспокойства на этот счёт. Когда я опускаюсь на заднее сидение, у меня дрожат руки, и неприятно потягивает низ живота.

– Куда? – Бросает водитель, хлопая дверцей.

И действительно – куда? Я медленно вдыхаю, выдыхаю, затем называю Лесин адрес. К ней ближе всего. Она – моя подруга детства, мы видимся не так часто, как хотелось бы, но ей и Кате я доверяю больше всех в этой жизни.

Через тридцать минут мы уже у нужного дома. Я расплываюсь, накидывая к нужной сумме столько же сверху, выхожу, вытаскиваю тяжеленный чемодан и останавливаюсь у подъезда.

Ветер вздымает в воздух ворохи желтых листьев с деревьев, закручивает их вихрем, а затем опускает на головы прохожих. Они медленно падают, кружась в желтом свете фонарей, точно осколки новогодних конфетти – так загадочно и красиво, словно кто-то замедлил этот осенний кадр, чтобы можно было насладиться им дольше.

У меня в душе так пусто, что я даже не запахиваю плотнее плащ.

Я не мёрзну. Стою и люблюсь этой красотой, стараясь запомнить момент навсегда. Запомнить это ощущение, когда

всё вокруг продолжает жить-дышать-сиять-золотиться, а ты словно мёртв, но ещё способен видеть и слышать. Но не чувствовать, и от этого почему-то так больно.

– Алиса? – Замирает Леся, когда видит меня на пороге своей квартиры.

Подруга не ожидала увидеть меня здесь в такой час.

– Привет. – Говорю я хрипло.

На её лице растерянность и неловкость. А затем, едва взгляд падает на чемодан, и беспокойство.

– Что случилось? – Спрашивает она.

Вместо этого я вхожу и висну на её шее. Мне надо бы рыдаться, но сил уже нет. Я обнимаю её и просто молчу.

9

Какое-то время мы стоим в обнимку, затем Леся отстраняется, берёт моё лицо в ладони и с нежностью заглядывает в глаза.

– Да что такое, Кукушкина?

Представляю это зрелище: моё лицо, покрытое чёрными разводами туши для ресниц, распухший нос, слёзы в глазах.

– Меня Никита бросил. – Признаюсь я.

– Ох... – Она сочувственно мотает головой, а затем снова сжимает меня в объятиях.

Я чувствую запах мяса, доносящийся с кухни, и слышу лёгкую музыку. Из колонок едва слышно льётся джаз.

– Я тебе помешала? – Спрашиваю я.

– Что? – Леся отпускает меня, затем идёт, затаскивает в квартиру мой чемодан и закрывает дверь. – Ничего подобного! Ты проходи-проходи...

Она кидает мимолётный взгляд на свои наручные часы, но я успеваю заметить этот короткий жест. Подруга кажется взволнованной.

– Ты ждёшь кого-то?

– Нет, вовсе нет. – Леся улыбается. Ставит чемодан в прихожей и поворачивается ко мне. – Пойдём, там как раз мясо поспело.

– Просто не хочу мешать. У тебя, наверное, свидание? Давай, позвоню Катюхе, она приедет и заберёт меня?

– Боже, какое свидание, Алис? – Подруга тащит меня за собой в кухню, усаживает на стул. – Лучше расскажи, что у тебя случилось? – Затем бросает взгляд на часы и делает музыку слегка громче. – Только подожди, я на секунду.

Она удаляется из кухни, и мне кажется, что звонит кому-то. Слышны приглушённые обрывки фраз, из которых мне удаётся различить разве что «не сегодня» и «я позвоню».

– Тебе пришлось отменить встречу из-за меня? – Спрашиваю я, когда Леся возвращается.

– Да это не встреча. Так... – Отмахивается подруга.

Ставит чайник, расставляет чашки на столе, достаёт из холодильника десерты. Суется-суется, словно боясь поднять на меня свой взгляд.

– Нашла себе кого-то? – Интересуюсь я.

Мне хочется быть деликатной. Леся явно ждала в гости мужчину. Возможно, это важное свидание, или он для неё кто-то особенный. А, может, это уже не первая их встреча? Потому что подруга одета по-домашнему, а её волосы не уложены.

– Просто знакомство по интернету. – Краснеет Леся.

– И ты на него запала? Он красивый?

Подруга ёрзает на стуле:

– Он... славный.

– Прости, что испортила тебе вечер. – Говорю я, накрывая её ладонь своей рукой.

Она едва не подскакивает.

– Да что ты... Ты же моя подруга. – Лесе почему-то неловко. Наверное, расстроена, что пришлось отменить встречу. – Ой, что это я? – Спыхватывается она. – Забыла про мясо с овощами! Тебе положить?

– А знаешь что. – Вымученно улыбаюсь я и встаю. – Давай-ка я сейчас умоюсь, вызову такси, а пока оно едет, выпью с тобой чаю. А потом уеду, ты позвонишь своему парню, и он придёт. Ладно?

– Брось, Кукушкина! – Она усаживает меня обратно давлением ладоней на плечи. – Какие парни? Ну, ты что! Ты пришла ко мне заплаканная, с чемоданом, за окном уже почти ночь, куда же ты пойдёшь?

– Но я...

– Ты мне не помешала. – Заверяет Леся. – Этот парень... он... ничего особенного, короче! Таких ещё миллион у меня будет, а подруга одна! – Она сжимает мою руку. – Давай, лучше рассказывай, что стряслось? Ты ушла от Дубровского, да? Он тебя обидел? Расскажи.

Я тяну носом воздух. Такое ощущение, что, стоит мне произнести эти слова, как мир расколется пополам.

Но через пару секунд я, всё же, решаюсь:

– У Никиты роман с другой. Он бросил меня и выгнал из квартиры. Мне негде ночевать, а ещё... я беременна.

– О... – Лицо подруги застывает в немом выражении.

– Да.

Щелчок чайника заставляет её вернуться в реальность. Леся поднимается из-за стола, заваривает мятный чай, неспешно разливает по чашкам и садится обратно. Всё это – в тягостном молчании.

– Держи. – Придвигает мою чашку ближе.

– Спасибо. – Киваю я.

Кладу на чашку замёрзшие ладони и чувствую приятное покалывание тепла. Запах мяты щекочет в носу: я так любила этот чай в детстве. Мама часто заваривала мяту, собранную в саду, и подавала к чаю пирожное «Картошка».

– А теперь давай по порядку и в деталях. – Просит Леся, подпирая рукой подбородок. – Как всё случилось, и что ты теперь собираешься делать?

В её глазах сочувствие и поддержка.

Я рассказываю, и каждое слово режет язык и саднит горло. Мне почему-то жутко стыдно, что всё закончилось вот так. Стыдно, что я была такой дурой, а теперь оказалась в такой ситуации.

Мы говорим долго и неспешно, проходит час, а, может, два или три. Наконец, мне становится чуточку легче, и я предлагаю пойти, лечь спать, ведь завтра к девяти нужно быть в офисе. Леся помогает мне расположиться, застилает постель, а затем идёт в ванную, чтобы прибраться.

– Иди, оставила тебе чистое полотенце на полке. – Говорит она, возвращаясь.

– Спасибо. – Целую её в щёку. – И спокойной ночи.

– Да не за что. – Тепло улыбается Леся.

Я бреду в ванную, принимаю душ, вытираюсь, а затем, глядя в зеркало на своё измученное лицо, долго чищу зубы. Не знаю зачем, но рука сама дёргает дверцу настенного шкафчика. Внутри я вижу стаканчик со щёткой и мужским бритвенным станком.

Лесины станок и щётка стоят на краю раковины, а тогда эти чьи? Выходит, она специально спрятала их от меня?

«Этот мужчина не должен был прийти к ней на свидание, – осеняет меня, – он уже живёт с ней!»

Мне снова становится неловко. Значит, подруга попросила его сегодня не приходить. Из-за меня!

Ужас.

Нужно завтра найти себе жильё.

Я выхожу из ванной. В коридоре темно и тихо. Пробираюсь к своей кровати и вдруг запинаюсь обо что-то. Наклоняюсь: мужские тапки. «Эх, Леся-Леся!» Могла и рассказать мне. Я ведь твоя подруга. Я бы порадовалась за тебя.

Улыбаюсь.

Всему своё время.

Я рада, что, хотя бы, она счастлива.

Ложусь и закрываю глаза. Сон приходит не сразу.

10

– Привет!

Звонок отца застаёт меня на полпути в офис.

Я только перекинула все вещи в свою машину, завела двигатель и выехала на оживлённое шоссе. Автомобиль чихает и дёргается, явно сопротивляясь тому, чтобы я приехала на работу вовремя.

– Привет, пап, опаздываю в офис, у тебя что-то важное?

– Нет. – Его голос сипнет. – Просто... соскучился, ты давно не звонила. Хотел узнать, как твои дела?

Вот это да.

– Всё нормально. – Отвечаю я, лихорадочно пристёгивая ремень. – Как всегда.

– Может, встретимся? Придёшь? Или давай пообедаем сегодня вместе?

Движение на дороге достаточно интенсивное, мне нужно

сосредоточиться, но разговор явно отвлекает и заставляет меня нервничать.

– Пап, я не знаю точно, чем буду заниматься в обед. – Бросаю раздражённо. – Давай, лучше заеду на днях?

Лихорадочно перебираю в уме все причины, по которым он может звонить. Нужна помощь? Деньги? Отец неплохо зарабатывает. Может, собирается продать квартиру, в которой доля принадлежит мне? В чём же подвох?

– Я буду очень ждать.

– Ага. – Бросаю я.

– У тебя точно всё хорошо? – Интересуется он.

– Точно, пап! Всё, мне пора.

Убираю телефон в карман и оглядываю своё лицо в зеркало заднего вида. Круги под глазами не скрыл даже тональник, ещё и губы потрескались. Достая помаду, добавляю губам увлажнения и цвета. Пара штрихов, и я снова утончённая деловая леди – одно из важных лиц модного журнала.

Через полчаса я уже в офисе.

– Как успехи, Кукушкина? – Цокая каблучками по коридору, спрашивает Барракуда.

– Успехи? – Выглядываю из-за компьютера.

Здесь каждый мечтает выслужиться перед этой стервой, и лишь я одна постоянно фантазирую на тему того, как буду посылать её далеко и надолго в день своего увольнения.

– Я про интервью! – Напоминает она, недовольно изгибая

бровь. – Ладно, доложишь на летучке!

– Угу. – Киваю я.

Вот, блин, задница.

Мне же придётся теперь отказаться от этого интервью, передать его кому-то другому... Барракуда будет в бешенстве. Тем более, у меня еще три материала висят, не готовые к сдаче...

– Вот отличный вариант. – Толкает меня локтем Катя. – Пять минут от метро, квартира-студия. Окна в пол! Представляешь, как круто сидеть вечерами на полу, любоваться огнями мегаполиса и пить вино? Ой... – Откашливается она. – Чего это я... Прости, сейчас поищем варианты с детской комнатой.

– Можно просто однокомнатные, мне ещё месяцев семь-восемь жить одной. И хотелось бы, чтобы не так дорого, я даже не представляю, какие детские прибабасы мне понадобятся, и сколько они стоят.

– Настька, сестра моя двоюродная, родила недавно, говорит, что коляска стоит как самолёт! Ой... – Катя виновато морщится.

– Кать. – Улыбаюсь я.

– Прости. – Смеётся она с виноватым видом. – Коляска с меня, ладно? Должна же тетя Катя хоть чем-то помочь?

– Вот неплохая квартирка. – Я указываю на экран. – Немного дороже, чем я могу себе позволить, зато в хорошем районе, и до офиса недалеко добираться.

Вспоминаю про чемодан, который лежит в багажнике. Про интервью, которое не состоится. Про работу, которую потеряю из-за этого. Чёрт, да этот вариант мне явно не по карману.

– Мне нравится. – Одобрительно кивает Катя, взглянув на экран. – Посмотрим её сегодня?

– Не знаю. На неё уйдут все накопления, а что дальше? – Я наклоняюсь к подруге и перехожу на шёпот. – Если я через три дня не сдам интервью, Акула Гадюковна вышвырнет меня из журнала! Я останусь совсем без денег!

– Беременных нельзя увольнять. – Парирует подруга. – Скажешь ей, что ты в положении, и Кобра Скорпионовна оставит тебя на должности.

– Но никакого интервью не будет! Она мне этого не простит!

– Проблемки, девочки? – Врывается в наш тихий между собойчик своим приторным воркованием Владик.

– Не-е-ет! – Дружно отвечаем мы.

Я быстро сворачиваю вкладку с квартирными объявлениями, но он, кажется, успеваает мазнуть взглядом по экрану.

– Я же из лучших побуждений. – С ангельским видом складывает ручки на груди Владик. – Если у вас сложности, связанные с работой, могу помочь.

– Нет у нас никаких сложностей. – Нахмуриваюсь я.

– Ты иди, Владик, иди. – Вежливо просит Катя.

– Аллочка приглашает всех в конференц-зал. – Он кивает

в сторону коридора. – Вы идёте?

– Да-да, идём. – Переглядываемся мы.

Ну, вот. Момент истины. Обмануть Барракуду или вылететь из журнала прямо сегодня?

– Не опаздывайте. – Улыбается Владик, удаляясь. – Она этого ужасно не любит. Аллочка ценит только дисциплинированных и ответственных...

– Лижет ногу, лижет руку, лижет спину, лижет ни-и-иже. Как котёнок кошку лижет. – Цедит сквозь зубы Катя, прожигая взглядом спину коллеги[1].

– Мне конец. – Шепчу я.

– Ерунда. – Ободряет меня подруга.

Но уже через пять минут мы понимаем, что это далеко не ерунда.

– Ты уже договорилась, Кукушкина? Выбрали дату интервью? Сегодня-завтра? Есть идеи? План? – С ходу стала забрасывать меня вопросами Алла Денисовна. – Оформим красиво, в пятницу из Франции прилетает Давиди, наш гениальный фотограф, сделаем фотосет по высшему разряду, выбери локацию, согласуй с Дубровским. Я уже анонсировала этот материал начальству и коллегам, я...

Барракуда всё говорит и говорит, а я только киваю в ответ, точно зомби. Задница, в которой я увязла, теперь кажется просто беспросветной.

И сколько бы мы с Катей не обсуждали этот вопрос, каж-

дый раз приходим к единому мнению: нужно либо признать-ся шефине, либо организовать долбанное интервью, наступив на горло своей гордости.

Так проходит два дня. Единственное, что радует – мне удаётся снять понравившуюся квартиру. На неё уходят все мои сбережения, но оплаченные вперёд три месяца проживания создают ощущение подушки безопасности.

– Да, Кать, здесь чудесно. – Говорю я, останавливаясь на пороге.

– Посторонись! – Катюха втаскивает в мою новую квартиру мой чемодан. Ставит его у стены, поворачивается и оглядывает пустые стены. – Да... Зато вид из окна шикарный! – Она скидывает туфли, проходит к окну и опирается на подоконник. – И пусть окна не в пол, зато вид на парк. Очень красиво!

– Хорошо, что есть встроенный шкаф, нужно развесить одежду. – Я тоже стараюсь находить плюсы в новой ситуации. – Осталось только купить диван, да? И стол. И стул. И посуду...

– Ой, надувной матрас остался в багажнике! Сейчас принесу! – Спыхватывается Катя. – Давай ключи.

– Да я сама, – пытаюсь сопротивляться я.

– Тебе нельзя таскать тяжести. – Мотает головой подруга. Берёт ключи, надевает туфли и выбегает из квартиры.

Она права. Сегодня днём так кольнуло в животе, что на минуту стало страшно. Мне в этом состоянии вообще всё в новинку – не знаешь, чего ожидать. И вроде здоровая, не больная, и красивая, стройная, а ощущаешь себя то ли хрустальной вазой, то ли здоровенным пакетом с водой – как-то в целом вообще не уютно.

Даже не верится, что именно в этой квартире я проведу ближайшие месяцы, и здесь впервые буду качать своего малыша.

– Тебе здесь нравится? – Спрашиваю я, поглаживая ещё плоский живот.

И мой голос разносится эхом вдоль голых стен.

А через час мы с Катей уже вышагиваем по улице, отыскивая местечко, где бы поужинать. Аппетит у меня теперь по вечерам, если честно, богатырский – проглотила бы слона. Нет бы, тихо и спокойно посидеть дома, заказать еды, но подруга настояла, что нужно прогуляться и подышать свежим воздухом, ведь это *полезно*. Чем будущей матери может быть полезен загазованный воздух мегаполиса, скажите?

– Значит, Леська нашла себе мужика? Ты уверена? – Виснет на моей руке Катюха.

– Да. – Смеюсь я. – У него бритва и тапки.

– Ну, раз та-а-а-пки, то точно мужик! – Хохочет Катюха.

А я вдруг останавливаюсь у витрины ресторана. Моё бедное сердце рвано дёргается и замирает.

– Что? – Хмурится подруга, но затем следует за моим взглядом и тоже застывает у окна.

Там, за стеклом, за дальним столиком мило беседуют Никита и певица Нелли. Они светятся точно так же, как светились мы с Дубровским на наших первых свиданиях. В моей голове за секунду проносятся все наши с ним счастливые моменты.

Чёрт... Иногда судьба даёт нам счастье только взаимы и под слишком большие проценты.

[1] Катерина вольно цитирует фрагмент из стихотворения «Подлиза» Маяковского.

11

Из моей груди вырывается вздох – беспомощный, тихий. Я даже представить не могла, что это будет *настолько* больно. Глядя на то фото в газете я думала, что это какая-то шутка, не могла поверить своим глазам, но вживую... Вживую зрелище не оставляло никаких сомнений – это ад.

Катя подхватывает меня под локоть, и только в этот момент я понимаю, что ноги больше не удерживают меня в вертикальном положении.

– Алис! – Бормочет она, вцепляясь в мою руку.

– Всё хорошо, хорошо. – Хрипло отвечаю я, мысленно

приказывая своим ногам держать меня ровно. – Я просто... Мне уже лучше.

Чувствую, кружится голова, и на лбу и спине проступает холодный пот. Ощущение у меня сейчас такое, будто по голове ударили тяжелым мешком. Я проваливаюсь в глубокую, тёмную яму, но отчаянно сопротивляюсь, пытаюсь хвататься за её края. В ушах нарастает гулкий звон. Кажется, именно так падают в обморок, да?

– Точно? – Голос подруги звучит как сквозь вату.

Мне нужно просто продышаться. Просто вдохнуть глубже и выдохнуть. Вот так, так, и ещё.

– Дыши. – Катя гладит меня по спине.

Вдруг тупая боль внизу живота заставляет меня опереться ладонью на холодное стекло окна.

– Что такое? – Спрашивает она. – Тебе плохо?

– Нет. – Боль ненадолго отступает, и я мотаю головой. – Всё хорошо.

– Я сейчас пойду и всё выскажу этому тупорогому козлу! – Вспыхивает подруга.

– Не надо. – Прошу я, выпрямляясь. – Я сама. Я должна.

Не знаю, что мной движет: обида, ненависть, горечь или сочувствие к той наивной девушке, которая сейчас сидит за одним столом с негодяем и доверчиво смотрит ему в глаза, но я разворачиваюсь и иду к входу в ресторан с твёрдым намерением сказать ему, что... а что? Я и сама не знаю.

Мне просто нужно взглянуть ему в глаза. Или, может,

плюнуть в лицо, не знаю. Даже не представляю, зачем я туда иду.

– Алиса! Подожди! – Слышится за спиной голос Кати. – Алис!

Но я уже дёргаю на себя тяжёлые двери.

– Вы куда? – Препраждает мне дорогу охранник. – Туда нельзя.

Я отталкиваю его ладонями и пытаюсь пройти, но передо мной тут же вырастают ещё двое крепких молодых ребят.

– Зал закрыт для посетителей, частное обслуживание. – Один из них хватает меня за предплечье.

– Пусти! – Вырываюсь я.

Да как они смеют трогать меня?!

Я начинаю метаться из стороны в сторону в попытках обойти препятствия, но мужчины непреклонны – встают передо мной живой стеной.

– Алиска! – Врывается в фойе ресторана подруга.

– Дайте пройти! – Требую я.

– Какие люди... – С этим возгласом в фойе появляется Андрей.

– Мне нужно в зал. – Накидываюсь на него я. – Скажи, чтобы меня пропустили. Я что, не имею права даже поговорить с ним? Мне нужно... нужно сказать ему!

Сама не знаю, что именно нужно, но ощущение такое, будто от этого зависит вся моя жизнь.

– А-а. – Андрей отрицательно качает головой. – Никак,

детка, извини. – Он разводит руками. – Не хочу, чтобы ты портила вечер хорошему человеку своими истериками. Скажи лучше, чем я могу тебе помочь? Может, тебе не доплатили? Или ещё чем обидели? – Мужчина тянется и пытается провести пальцами по моей щеке.

– Убери свои руки! – Выпаливаю я, отшатываясь в сторону. – Пропусти меня сейчас же, или я закричу!

И вздрагиваю, вдруг ощутив на плече чью-то руку. Обо-рачиваюсь – это Катя. В её взгляде поддержка и сопереживание.

– Что за шум? – Этот голос как ножом по сердцу.

Я поднимаю взгляд: Никита выходит из зала.

При виде меня у него брезгливо морщится лицо.

– Никита! – Я бросаюсь к нему и застываю, так и не дойдя всего пару шагов.

У меня бешено бьётся сердце. Нужно что-то сказать. Что?

– Зачем ты здесь? – Раздражённо бросает он, затем понижает тон голоса и склоняется к моему лицу. – Нужны ещё деньги?

Деньги? Какие деньги? Про что он? Ах... Те купюры, что он вложил мне в ладонь в нашу последнюю встречу... Я их выбросила, даже не взглянув.

– Я должна сказать тебе. – Теряюсь я. Мне никак не удаётся подобрать слова. – И той девушке должна тоже. Она не знает, какой ты! И про ребёнка...

Дубровский меняется в лице. Это перевоплощение, до-

стойное роли в каком-нибудь триллере, пугает меня до чёртиков.

– Оставь её в покое, поняла?! – Рычит он, хватая меня за рукав и грубо подтаскивая к себе.

– Э-эй! – Подаётся вперёд Катя, но её перехватывают бугаи-охранники.

– И меня оставь. – С отвращением выплёвывает мне в лицо Никита. А затем, едва ли не отшвыривая меня от себя, точно неприглядную, испорченную вещь, добавляет: – Пошла вон, дура!

Я не верю своим ушам.

Вижу, как он разворачивается и уходит, и мой мир тонет в серых красках горечи. А затем вдруг окрашивается красным – это цвет боли. Только уже не моральной, а физической, потому что я отчётливо ощущаю тупую ноющую боль внизу живота. Она буквально разрывает моё тело на куски.

– Алиса! Алис! – Слышу я Катькин голос. – Скорую! Скорее!

Но нас двоих нагло выпихивают на улицу. В нос бьёт запах дождя, прелых листьев и выхлопных газов. Прохладный воздух помогает сделать первый, по-настоящему глубокий вдох.

– Подожди, подожди, моя хорошая. – Причитает подруга.

Кажется, она звонит куда-то. Телефон пляшет в её руках, она кому-то что-то кричит, просит помощи.

«Всё будет хорошо, – доносится до меня откуда-то мамин голос, – просто потерпи».

– Больно? – Вдруг испуганно спрашивает Катя, завершив звонок.

Я приваливаюсь к стене.

Не знаю.

Всё моё тело сейчас состоит из боли. Я проваливаюсь в неё, словно в большую мясорубку. Мне плохо. Плохо.

А потом скорая, чьи-то грубые руки, терзающие мой живот многократными нажатиями, равнодушные фразы о том, что сейчас всё выяснят, и ощущение, что никто никуда почему-то не торопится.

Укладываясь на холодную, твёрдую кушетку в смотровой процедурного кабинета и давая себя ещё раз осмотреть, я закрываю глаза и думаю о том, что хочу – точно хочу, чтобы они спасли ребёнка, на счёт которого я ещё совсем недавно сомневалась, есть ли он внутри меня или нет.

– Сейчас возьмём анализы. – Говорит кто-то.

Я не запоминаю их равнодушных глаз, спрятанных за масками. Мне трудно найти такое положение, в котором не болел бы живот.

– Сюда нужно помочиться. – Стальным голосом приказывает медсестра.

Я с трудом встаю, ухожу в соседнее помещение и делаю то, что она велит. Возвращаюсь и отдаю баночку. Кажется, что боль теперь везде. Я сама – боль.

Меня тыкают иглками, берут кровь, меряют давление,

что-то спрашивают, а затем велют расслабиться и не стонать. Это очень трудно, почти невыполнимо.

Через полчаса седобровый доктор садится возле меня на стул и склоняется над бумагами с анализами:

– Это не по нашей части, девушка. Ждём другого специалиста, сейчас придёт.

– В смысле? Не поняла. – Я с трудом сажусь на кушетке. – Что с моим ребёнком?

– Пока с ним всё в порядке. – Его голос отдаётся эхом в ушах. – Через пару минут подойдёт Доктор Красавчик, осмотрит, ознакомится с вашими данными, назначит необходимые исследования, и только тогда будем знать точно. Не волнуйтесь, он высококлассный специалист, вы в надёжных руках.

– Доктор...кто? – Морщусь я от боли.

– Доктор Красавин. А-а, вот, кстати, и он. – Врач поднимается со стула и указывает на вошедшего. – Вадим Георгиевич, прошу вас.

Я поворачиваюсь, и мне не сразу удаётся увидеть его целиком. Приходится поднять взгляд, чтобы отыскать его лицо, закрытое маской.

Он большой.

В смысле, высокий. Я бы сказала, даже величественный – как не в меру обожаемый Катькой Маяковский. Или даже выше.

Скала.

Рядом с таким великаном обычные люди кажутся простыми букашками. Может, я преувеличиваю, но отсюда, с кушетки, он кажется мне именно таким.

– Добрый вечер. – Произносит он безэмоционально.

Скользнув по мне ровным взглядом, делает шаг, берёт из рук предыдущего врача лист с анализами и данными осмотра. Больше я его не интересую, только эти бумаги.

– Угу. – Говорит он, пробегая глазами по строчкам. И отогнув приклеенную к листу бумажку с результатами анализов, снова повторяет: – Угу.

Что это значит?

Я на некоторое время даже забываю о боли.

Заворожено смотрю на эту глыбу, на это средоточие суровости и сдержанности, и думаю вовсе не о том, в какой области он специалист, а о том, какие красивые и большие у него руки. И как чётко сидит на нём его форма – уверенно подчёркивает широкие плечи, прямую спину, узкую талию.

– Хм. – Вдруг выдаёт он, дёрнув одну из бумажек.

Из-под маски слышится едва различимый вздох.

Густые чёрные брови над тёплыми карими глазами приходят в движение. Доктор явно чем-то обеспокоен.

– Что со мной? – Сипло спрашиваю я.

Вытираю руки о полотенце и прислушиваюсь. За стеной, в процедурке, кто-то беседует: это старшая сестра Анфиса Андреевна в очередной раз распекает кого-то из девочек-ординаторов.

– Какой же ты врач, Людка! – «Ага, ясно, значит Люду Невелину». – Ты ж всю операцию в его очи ненаглядные пролыбилась! Тьфу! Стыдоба!

– Анфиса Андреевна, я...

– Не Анфиской мне тут! – Слышатся шаги, подошвы её старомодных мокасин шоркают по кафелю. – Таких, как ты, знаешь тут сколько у него? Полное отделение! Да плюс все остальные этажи. И все в глаза ему смотрят! С придыханием! А тебе учиться нужно, впитывать материал, практиковаться. Людей спасать, в конце концов! А как потом? Всё самой делать придётся, и никакого Красавина рядом не будет.

Я хочу кашлянуть, чтобы этот разговор не зашёл дальше допустимых пределов, но не решаюсь – мне становится неловко. Уйти, не произведя шума, у меня тоже вряд ли получится, и я начинаю осторожно пятиться к выходу из помещения.

– Забудь ты про него. – Говорит Анфиса уже мягче. В тонкий просвет из-за приоткрытой двери я не вижу её, но представляю, как женщина деловито подпирает руками свои крутые бока. Она всегда так делает, когда сердится. – По-хорошему тебе говорю, по-женски. Не до вас ему сейчас, не до

баб. Нет, не в том смысле...

Я невольно морщусь и качаю головой.

– Просто ему вообще не до этого всего! – Продолжает старшая медицинская сестра. – Так что ты это брось, поняла? Лучше работой займись, иначе хорошего специалиста из тебя не выйдет.

– Но Анфиса Андреевна, он же вроде как...

– Брось, говорю!

Я тихо выскальзываю в коридор и направляюсь в свой кабинет.

Мне нужен крепкий кофе. Срочно.

Хорошо, что Анфиса радеет за ответственность и собранность моих подчинённых, но факт того, что в разговоре она цепляет и мою личную жизнь, буквально выворачивает меня сейчас наизнанку. Меня начинает знобить: то ли от усталости, то ли от волнения после услышанного.

Обычно я сразу пресекаю подобные истории, как с Невелиной: рекомендую ординатору перевестись в другое отделение, чтобы личные инициативы не мешали обучению и работе. И, конечно же, я и прежде замечал её равнодушные взгляды в мою сторону и робкие, смущённые улыбочки, но почему-то в этот раз ничего не предпринимал.

Теперь же её интерес перерос в крепкую симпатию, это стало очевидным уже для всех вокруг, и непременно помещает рабочему процессу.

Всё дело в таланте Невелиной. Я просто не мог выслать из

отделения врача, который в будущем мог бы стать одним из самых успешных онкоурологов в стране. Люда отлично ассистирует на операциях, да и её самостоятельные шаги тоже впечатляют.

Ума не приложу, что делать в этой ситуации...

Отпив кофе, я сажусь на диван и принимаюсь массировать виски пальцами. Мысленно пытаюсь подсчитать, какой сейчас день недели, и сколько уже нахожусь в клинике, но так ничего и не выходит.

– Семь часов переработки, – подсказывает Анфиса Андреевна, врываясь в помещение, – тебе пора завести здесь раскладушку, голубчик.

Я открываю глаза.

Старшая сестра прикрывает дверь, подходит к столу и тут же начинает колдовать с чашками и контейнерами.

– Вот пирожки, Вадюш, с мясом. Кушай, а то знаю тебя: голодом себя моришь, в столовую сходить некогда, а дома когда ещё будешь?

Я улыбаюсь.

Всё желание ворчать на Анфису Андреевну испаряется в миг.

Мне нравится слышать её голос, он такой, по-матерински тёплый, что ли. Нравится видеть, как она хлопчет в моём кабинете, точно у себя на кухне, как ласково ругает молодых сотрудников или нерадивых пациентов, как талантливо

организует процесс работы и держит в своих хрупких руках порядок во всём отделении.

Как бы ни хотелось, у меня не получается сердиться на эту немолодую женщину с тяжёлой, грузной походкой и усталым, но добрым лицом.

– Я уже домой собираюсь. – Говорю я, взглянув на часы.

Осталось только сделать усилие и подняться с дивана.

– Да фигурки! – Вдруг выдаёт она. Ставит на стол тарелку с пирожками и вазу с конфетами, хотя прекрасно знает, что я ненавижу сладкое. – Ты уже меня прости, Вадечка, но тут Фролов звонил, вызывает тебя. Беременяшка у него какая-то в приёмном, и это, кажется, по твоей части.

– Сейчас? – Уточняю я, делая глоток обжигающего чёрного кофе.

– Да. – Разводит руками Анфиса и усаживается на стул. – Сам же знаешь, у них, прости господи, именно к вечеру и начинаются все выкрутасы! У моего сына на скорой ближе к ночи самый пик наступает: телефон разрывается. То бабке какой давление смерить, то припадки у психов, то у кого-то первый раз месячные начались, надо проверить, всё ли в порядке с густотой и объемом, то вчера, вон, вообще – один мужик позвонил с холодной мошонкой: «Скажите, она у меня точно нормальной температуры, доктор?». Пришлось ведь трогать!

Я не могу не улыбнуться ещё раз.

Старшая сестра расцветает: она этого и добивалась.

– Ты скушай пирожок, да сходи, посмотри её, ладно? – Ласково говорит она, придвигая тарелку ближе. – Ты же этих беременных знаешь: в боку кольнуло, они «Ой-ай, мамочки, это выкидыш!», но ведь всяко бывает, да? Раз на раз не приходится.

– Конечно. – Вздыхаю я и потираю веки.

В глазах режет, будто песка насыпали. Но если вернусь домой, ещё несколько часов пролежу в состоянии тревожности и не смогу заснуть.

– А пирожок? – Улыбается Анфиса.

– Спасибо за заботу, но пока совсем нет аппетита.

– Ничего. – Понимающе кивает женщина. – Заверну тебе с собой.

– Спасибо. – Вежливо соглашаюсь я.

– Вадик, а... – запинается она.

– Что?

Замечаю, что Анфиса Андреевна смотрит на мои сложенные в замок руки.

– Ещё носишь его?

– Его? – Я впиваюсь глазами в своё обручальное кольцо. – А... вы про это...

Задумчиво кручу его пальцами. Как обычно вернул на место сразу после операции.

– Не хочу лезть с советами, – пытается улыбнуться старшая сестра.

– Да, не стоит. – Я встаю и иду к двери. Мне тяжело ды-

шать от этого разговора, хочется скорей сбежать. – Осмотрю эту пациентку, и домой.

Быстрым шагом сбегаю по ступеням: пролёт, ещё пролёт. Мне не хочется ехать на лифте, хочется продышаться. Я почти возвращаю себе самообладание, когда вхожу в процедурный приёмного отделения и вдруг вижу на кушетке бледную, измученную девушку.

Светлые волосы до плеч, стройная, с аккуратной, женственной фигурой. Её кожа почти бесцветна, худое личико напряжено от боли, она поджимает под себя ноги и обхватывает длинными, тонкими пальцами гладкие колени.

– Добрый вечер. – Говорю я.

Выходит как-то хрипло и не совсем уверенно.

И в этот момент мы встречаемся с ней взглядами. Чтобы посмотреть на меня, девушке приходится поднять голову: её светлые волосы рассыпаются по плечам, алые губы удивлённо размыкаются, а светло-зелёные глаза, остановившись на моём лице, вдруг темнеют, и в их расширенных зрачках рождаются страх и растерянность.

«Чёрт, а она красивая», – проносится в моей голове.

13

Алиса

– Что со мной? – Повторяю я.

На всякий случай, потому, что, кажется, доктор не слышал вопроса. Возможно, нужно говорить громче, чтобы слова долетали до высоты его роста, но мне тяжело это сделать: боль переместилась в поясницу и уже вовсю хозяйничает там.

– Ясно. – Говорит врач, будто самому себе. Затем поднимает, или правильнее было бы сказать, опускает взгляд на медика из приёмного покоя: – Поднимайте в отделение.

Затем задумчиво ударяет ладонями с результатами моих анализов по своему бедру, разворачивается и, даже не взглянув на меня, покидает помещение.

Что?

Что это было сейчас?

Эй! Мне, вообще, кто-нибудь поможет в этой больнице, нет?!

– Ай, ой... – Стону я, перемещая ладони на поясницу.

Спину просто разрывает.

– Дышите. – Советует врач приёмного отделения. – Сейчас за вами придут. – И неторопливо удаляется к двери.

– Вы куда? – Спрашиваю я.

Мой голос больше похож на жалобный писк.

– Не волнуйтесь, вы в надёжных руках. – Говорит он прежде, чем меня бросить.

В надёжных? В чьих?! Меня только что оставили одну! Совершенно одну наедине с моей болью. Ау!

Я сажусь, наваливаюсь спиной на стену и обречённо за-

крываю глаза. Дышу, считая свои вдохи и выдохи. Раз-два, три-четыре, пять-шесть. Это немного уменьшает неприятные ощущения. Кажется, в этой больнице никому и дела нет до моего состояния.

А этот великан! Посмотрите-ка на него! Пациент для него не более, чем назойливая вошь, которая отвлекает от вечерней дрёмы в самый неподходящий момент. Даже не осмотрел меня, не спросил, что и где болит! Бесчувственный чурбан!

– Ммм... – Я прикусываю губу.

Как же больно!

Тот пожилой медик хотя бы провёл осмотр, а этот – уверена, он бы даже бровью не повёл, если бы я корчилась, умирая и захлёбываясь в агонии, прямо на этой кушетке у него на глазах.

– Э-эй! – Проскальзывает в помещение Катя. Улыбается мне, быстро прикрывает дверь, проходит, садится рядом, берёт мою ладонь и крепко сжимает. – Ну, как ты?

– Больно. – Признаюсь я, морщась от неопишуемых ощущений.

Вот, что мне нужно – капля сочувствия. Когда кто-то держит тебя за руку, гораздо легче всё это терпеть. Я рада, что ей позволили прийти.

– А меня, представляешь, не хотели пускать! – Вдруг начинает возмущаться подруга. Достает из кармана салфетку, заботливо стирает пот с моего лица, затем аккуратно промокает ею мой нос и щёки. – Ничего не говорят, в кабинет не

пускают, а я так нервничаю, сижу там, не знаю, что делать, и у кого помощи просить!

– Кать, скажи, что ты не позвонила моему отцу? – С надеждой интересуюсь я.

– Нет. – Успокаивает меня Катя. – Но хотела. – Тут же добавляет она честно. – И если бы мне не удалось прорваться сюда и увидеть тебя живой, то минут через пять моё терпение бы лопнуло, точно говорю! И тогда бы я уж дозвонилась не только до твоего отца, но и до министра здравоохранения!

– Ой-й-й... – Меня выгибает от тупой, ноющей боли в спине.

– Что? Больно? Где? – Суетится подруга.

– Тут, там, везде. – Цежу я сквозь зубы, вцепляясь мокрыми пальцами в её рукав.

– А живот?

– Не знаю. Уже не так сильно.

– Тебе сказали, что с тобой такое?

– Нет. – Рычу я, стараясь дышать ровно и спокойно.

– Я слышала от медсестричек, что к тебе вызвали какого-то крутого специалиста. Не переживай, он придёт, посмотрит тебя и всё скажет.

– Он уже был... – Бормочу я, наваливаясь на её плечо.

– Да?

– Ага. Шпала такая, лицо кирпичом. Даже смотреть меня не стал.

Нет, конечно, лица его я не видела, но злость и обида, за-

мешанные на страхе и боли, подсказывали мне сейчас, что лицо его должно было быть не менее равнодушным, чем тёмные глаза.

– Ой, это тот, высокий такой который? – Оживляется Катя.

– Ага.

Надо признаться, его рост и осанка внушали мне не меньшее волнение, чем его строгий взгляд.

– Ясно.

– Что ясно, Кать?

– Думаю, тебе стоит довериться ему. – Серьёзно говорит она. – Девочки в приёмном о нём отзывались чуть ли не с благоговением. Он такой, он сякой! И фамилия ещё такая...

– Кать, он тебе что, понравился?

– Мне? – Она таращит на меня глаза. – Что ты, вовсе нет! Просто... – Подруга мечтательно улыбается. – Он прошёл мимо меня по коридору, а за ним шлейф такой... Ммм... У моего бывшего такой же парфюм был, «Эрос» называется! Бог любви! Ты же помнишь, как я от него балдела? Ну, и тут воспоминания эти всякие, ну, ты понимаешь... – Катка отмахивается, будто отгоняя от себя морок нахлынувших мыслей о былом страстном романе.

– Помню, конечно. – Кряхтя, меняю позу я. – Он представился тебе капитаном дальнего плавания, а сам оказался кобелём местного разлива.

– Да уж. Да. – Трезвеет подруга и качает головой. – Но

я бы не отказалась от пары укольчиков от такого горячего доктора! – Добавляет она и игриво хихикает.

– Ой, Кать, какая же ты увлекающаяся! – Мне смешно, но приходится морщиться от боли. – А вдруг у него там хобот под медицинской маской? Вдруг он там страшный, как черт?

– С лица воды не пить! – Паритует она. – Ты же знаешь, какого рода хоботы должны интересовать знающую себе цену женщину в первую очередь?

Теперь я даже сквозь боль уже смеюсь по-настоящему, а Катька сияет: рада, что заставила меня улыбаться.

– Ладно уж, доктора оставлю тебе. – Подруга подмигивает. – Обещай, что закрутишь с ним, если он тебя вылечит?

– Иди ты! – Толкаю её в бок. – Я, вообще-то, в положении. И, кажется, умираю...

– Больно? Сильно? – Суется Катя, заглядывая мне в лицо. – Сейчас кого-нибудь позову.

Но в этот момент дверь открывается, и в помещение входит полноватая женщина в годах. На ней белый халат, маска, а глаза под толстыми стёклами очков недовольно прищурены.

– Почему посторонние в процедурном? – Рывкает она на Катьку. – Кто пропустил?

– Вы здесь мою подругу совсем одну оставили, а ей, между прочим, очень плохо! – Возмутилась Катя, упирая руки в бока. – Она умирает!

– Покиньте помещение. – Громогласно приказывает жен-

щина и переводит взгляд на меня: – Кто умирает? Ты?

– Она! – Подтверждает подруга.

– А вы освободите помещение, – напоминает ей медик и указывает рукой на выход так резко и безапелляционно, что Катюха не смеет послушаться.

– Ну, вы ей помогите, что ли... – Подруга бросает на меня виноватый взгляд и пятится к двери. – Если что, я здесь, и вещи твои у меня тут...

– Идти сама можешь? – Строго спрашивает женщина.

Я киваю и пробую встать, она тут же подхватывает меня под локоть.

– Вы можете сказать, хотя бы, что с ней? – Не отстаёт Катя.

– Доктор разберётся. – Ворчит женщина, не оборачиваясь к ней. – Вы всё ещё здесь? Вернитесь в холл: без халата, бахил и маски не положено!

– А если я найду халат? – спрашивает подруга, высываясь из-за её широкого плеча.

Я ступаю осторожно, шаги даются нелегко, боль усиливается.

– Твоя родственница? – Хмыкает женщина.

– Подруга. – Отвечаю я.

– Лучше съезди за вещами, подруга. – Бросает она Кате. –

Пациентка остаётся здесь, в отделении урологии.

– А какие вещи нужны? – интересуется Катя.

– Бельё, ночная, тапочки, щётка, паста, мыло и прочее.

Халат не надо, мы организуем.

– А куда вы её сейчас? – Катюха всё ещё идёт следом за нами по коридору.

– На УЗИ. – Отзывается медик и бросает на неё взгляд, не обещающий ничего хорошего.

– А, хорошо. – Кивает подруга, наблюдая за тем, как мы заходим в лифт.

Женщина жмёт цифру «четыре», двери смыкаются, и я приваливаюсь к поручню.

– Больно? – Равнодушно интересуется моя сопровождающая.

– Да. – Признаюсь я.

– Угу. – Без тени сочувствия кивает она.

У них тут что, «угу» – любимое слово?

– Меня Анфисой Андреевной зовут. – Сухо добавляет женщина.

– Алиса. – Почти шепчу я.

Проходит ещё пара секунд прежде, чем она добавляет уже ласковее:

– Ты потерпи ещё немного, Алиса, сейчас поглядим, чего у тебя там, и доктор назначит обезболивающее.

Я киваю, как заведённая. Зажмуриваюсь.

«Ещё немного, ещё немного».

– Да не бойся ты, доктор у нас толковый. – Слышится её голос.

Ага. Кто бы сомневался.

Вадим

Я уже во второй раз просматриваю результаты исследования этой барышни с птичьей фамилией. Кстати, какой? Забыл. Переворачиваю карту. Зябликова, Соколова, Щеглова, Сеницына? А, Кукушкина, точно.

Обычно не запоминаю имён пациентов на данном этапе работы: сейчас важно срочно и квалифицированно оказать помощь, главное – цифры и показатели, остальное – потом.

Надо признать, девушка героически вытерпела все положенные в таких случаях манипуляции и пролежала в кабинете ультразвуковой диагностики, сжав зубы и ни разу не пикнув. Впечатляет.

Обычно я не общаюсь с пациентами до постановки диагноза: что касается симптомов и истории болезни, они привычно лукавят, преувеличивают или просто-напросто врут, и тут лучше довериться результатам анализов, а уж их любимые причитания, стенания, вопли или угрозы – эти откровенно раздражают и отвлекают от работы, поэтому стараюсь держаться от них подальше.

– Ну, как? – Спрашиваю я у Анфисы Андреевны, которая входит в ординаторскую.

– Болеутоляющее подействовало. – Отчитывается она. –

Пусть и не до конца отпустило, но терпеть уже легче. Крепкая девка, справится. – Усмехается женщина.

Я позволяю себе легкую улыбку. Старшая сестра так редко кого-то хвалит, что я понимаю: эта пациентка ей точно приглянулась. Интересно почему.

– Родственникам сообщила? – Интересуюсь я.

Мне почему-то вдруг становится интересно, ожидает ли кто-то эту пациентку в приёмном.

– Подружка с ней была. – Анфиса Андреевна наливает себе воды. – Передала ей вещи и телефон, теперь больная на связи и сама сообщит всем, кому нужно.

– Хорошо. – У меня не получается удержаться, я быстро пробегаю глазами по данным анкеты, заполненной при поступлении со слов пациентки и из её документов. Год рождения, месяц, день, адрес, прочее. Не знаю почему, но мне хочется узнать больше, чем эти сухие строки, совершенно никак не характеризующие больную. – Главное, на данный момент мы исключили кровотечение и инфекции, пусть отдыхает.

– Ты что же, – женщина замирает, так и не донеся стакан с водой до рта, – даже не зайдёшь к ней? Не сообщишь?

– Ах, да. – Киваю я. И мысль о том, что нужно будет снова увидеть Кукушкину, вызывает во мне какой-то странный, необъяснимый трепет. – Конечно.

– Сходи, сходи, а то извелась вся.

– Угу.

В ночном коридоре клиники тихо.

Шумят приборы, всевозможные аппараты, а звуки шагов по каменному полу разносятся дрожащим, тихим эхом по стенам.

Я стараюсь ступать осторожно, чтобы не разбудить никого из больных. Поправляю маску, расправляю затёкшие плечи, но каждый шаг по-прежнему даётся с трудом. Смутное волнение сковывает пальцы, нервно закручивающие карту пациентки в трубочку.

Мне жутко не по себе, но, очевидно, это просто усталость.

Я топчусь пару секунд у палаты этой Кукушкиной, а затем замираю, услышав её тоненький, взволнованный голосок.

– Он всё какими-то ребусами разговаривает, Кать, да и то не со мной – с другими медиками. А на меня даже не взглянул ни разу. И если бы я хоть что-то понимала, по их, по-докторски, то ладно, а так – что мне их загадки? СКФ какие-то, клиренсы, кретины и уровень урины? Звучит как бабкино заклинание! Он ещё так тихо бормочет себе под нос – видно, чтобы не пугать меня. Может, мне того – жить-то осталось пару дней, а они мне даже не сообщают!

Я сразу вспоминаю свои слова, брошенные по ходу дела коллегам: «СКФ, клиренс креатинина, уровень уриновой кислоты и кальция», и на лицо пробирается нечаянная улыбка. Бабкино заклинание, значит.

И почему-то на душе становится легче от того, что Ку-

кушкина больше не корчится от боли и не стонет в голос.

– Больно, конечно, Катя. – Подтверждает мои мысли пациентка. – Но на стену не лезу. Сжимаю челюсти и терплю. Не знаю, сколько ещё так придётся.

Пока подруга не насоветовала ей позвонить с жалобой в министерство, я спешу прервать разговор: осторожно стучу в дверь.

– Ой, подожди. – Говорит Кукушкина. А когда появляюсь в двери, спешно добавляет: – Перезвоню.

– Вижу, вам немного лучше. – Констатирую я.

Девушка вся подбирается, нервно поправляет ворот ночной рубашки, комкает пальцами ткань пододеяльника. На её лбу всё ещё видны капли пота, а это значит, что, даже если болеутоляющие помогают, то не в той мере, в какой хотелось бы.

– Спасибо, – её бледное лицо трогает испуганная улыбка.

Большие, зелёные глаза распахиваются, ресницы начинают мелко дрожать. Она явно ждёт от меня ответов на свои вопросы.

– Меня зовут Вадим Георгиевич. – Представляюсь я, стараясь не выдать накатывающего волнения. Инстинктивно нахмуриваю брови и выпрямляю спину. – Я... буду лечить вас.

Мне хочется ущипнуть себя, потому что, сколько бы я не старался, у меня не получается вспомнить, что обычно я говорю пациентам в таких случаях. «Я буду лечить вас» – это

явно что-то новенькое.

– Так вы скажете, что со мной? – Спрашивает девушка после затянувшейся на несколько секунд паузы.

Её тонкие, изящные пальцы ложатся на её шею. Она лихорадочно трёт кожу, и та моментально краснеет, а у меня в голове рождается невыносимая вереница мыслей о том, как эти пальчики могли бы касаться моей кожи. Пытаясь сохранить самообладание, я откашливаюсь и нахмуриваюсь ещё сильнее.

– По данным ультразвукового исследования, – сообщаю я и неловко взмахиваю рукой с зажатой в ней историей болезни, а затем, стараясь оставаться серьёзным, перевожу взгляд на стену. От растущего чувства неловкости, совершенно мне несвойственного, желудок буквально закручивается в узел. – С плодом всё в порядке.

– Это хорошо, – выдыхает пациентка, – только я ненавижу, когда так говорят.

– Как? – Я вынужден снова посмотреть на неё.

По спине пробегают мурашки.

– Не люблю, когда ребёнка называют плодом.

Я застываю с открытым ртом.

Мне хочется возразить, почему плод принято именовать плодом, но я этого не делаю. У неё такой оскорблённый, измученный и обиженный вид, что мне не хочется делать ещё хуже.

– Хорошо. – Отвечает за меня мой рот.

И девушка будто бы успокаивается. Её прозрачные светлые глаза, точно воды уснувшего океана, на секунду успокаиваются, а затем в них всколыхивается новая, тревожная буря.

– А что тогда не в порядке? – Спрашивает она.

– Мы обнаружили камень в вашей почке.

– О... – Лицо девушки вытягивается понимающе и удивлённо одновременно. – Это опасно? Почему так случилось? Что теперь делать? Его можно извлечь?

Вопросы летят на меня, точно из пулемёта.

– Пока ситуация под контролем. – Спешу успокоить её я. – Факторов образования камней много: от неправильного питания и плохой воды до врождённых аномалий и низкой физической активности. Мы ещё поговорим об этом подробно, а пока вам нужно отдыхать, много пить, ходить в туалет и надеяться, что камень выйдет сам, без оперативного вмешательства.

– Легко сказать – отдыхать! – Морщится она. – Таки-и-е боли!

– При необходимости будете принимать болеутоляющие, но, сами понимаете, в вашем положении список препаратов сильно ограничен.

Что мне ещё остаётся сказать?

– Понимаю. – Вздыхает девушка.

– Во время беременности женский организм сильно изменяется, – пытаюсь обойти острые углы, я аккуратно подби-

раю слова, – от этого часто страдает мочевыделительная система. Сейчас вам нужно избежать инфицирования, и если всё пройдет хорошо, то вам останется придерживаться диеты, и... вы забудете нас, как страшный сон.

Я прикусываю язык, но она вымученно улыбается. Значит, я её обнадежил. И даже если я сам не на сто процентов уверен в благоприятном исходе, то её счастливые глаза окупают всё моё внутреннее беспокойство. Сейчас для пациентки и её плода спокойствие важнее всего остального.

– Спасибо. – Хрипло благодарит меня девушка.

Я коротко киваю.

– Придерживайтесь моих рекомендаций, и посмотрим, как пойдёт дело.

Мне уже хочется взять себя за шиворот и выволочь в коридор. словно кто-то другой говорит за меня с ней, и мне не терпится заткнуть этого «кого-то».

– Спасибо, доктор. – Тяжело дыша от накатившего приступа боли, повторяет Кукушкина.

Она пытается выдать ещё одну вежливую улыбку, у неё получается, и от этого у меня всё переворачивается внутри.

– Всего доброго. – Бросаю я и позорно и спешно покидаю палату.

Через сорок минут уже стою у дверей своей квартиры. Прежде, чем вставить ключ в замочную скважину, я опускаю взгляд на кольцо на безымянном пальце. Оно обжигает мне

кожу.

Беззвучно вздыхаю, вставляю ключ, поворачиваю и аккуратно толкаю дверь. Та открывается со скрипом, и я с досады сжимаю челюсти.

– Не волнуйся, он спит. – Тихо шепчет жена, появляясь в коридоре.

Я включаю свет, и она сонно щурится. Трёт пальцами веки.

– Прости, разбудил. – Я переступаю порог и закрываю за собой дверь.

– Тяжелый денёк? – Мягко улыбается она.

– Даже два. – Улыбаюсь ей в ответ. – Или сколько там меня не было?

– Мы потеряли счёт. – Её признание звучит едва слышно.

– Прости ещё раз.

– Ничего страшного, такая работа. – Она делает ко мне шаг. – Ты голоден?

– Нет. – Качаю головой. – Валюсь с ног. Пойдём спать?

– Конечно. – Соглашается супруга.

Мы с ней вместе заглядываем в детскую и любуемся в тёплом свете ночника фигуркой спящего сына, закутавшегося в одеяло, а затем отправляемся в спальню. У меня нет сил даже принять душ. Я снимаю одежду и падаю на кровать.

– Не спишься? – Шепчет жена минут через пять.

– Нет. – Признаюсь я.

– Тогда расскажи, как прошла смена. – Просит она.

И я рассказываю в подробностях, не забыв упомянуть и о несчастной Кукушкиной, которая осталась в своей палате мучиться от боли. Говорю, что мне её жаль. Ровно, как и всех своих пациентов.

15

Алиса

– Ну, как ты? – Заглядывает в палату Анфиса Андреевна. Я поднимаю голову от скрипучей больничной подушки:

– Адская ночька.

Всю ночь бегала в туалет по-маленькому. Ощущение было такое, будто вот-вот обмочу трусы, а в итоге выходило всего две капли. К тому же, боль и не собиралась ослабевать, чтобы дать мне поспать: она то нарастала, то немного отпускала, а затем вгрызалась в меня с новой силой.

– Про банку не забываешь?

Ах, да, чертова банка. Как можно забыть про тяжёлое и уродливое стеклянное изделие, в которое приходится собирать мочу?

– Конечно, нет. – Морщусь я.

Женщина бросает взгляд на наручные часы:

– Уже семь, поднимайся, сейчас придут мерить температуру и давление, затем проведём все остальные исследования. А с десяти до двенадцати будет обход.

Значит, придёт этот хмурый доктор. Ясно.

Даже не знаю, радует это меня или пугает.

– Хорошо, спасибо. – Я осторожно поднимаюсь с постели.

– И не забывай, – добавляет медсестра, – больше пить и больше ходить.

– Я и так пью, пью, пью, сколько мне ещё пить?

– Чтоб из ушей лилось! – Усмехается она и закрывает за собой дверь.

Я привожу себя в порядок, чищу зубы, собираю волосы в хвост, накидываю халат и выбираюсь в коридор.

Бреду по отделению и осторожно заглядываю в палаты: пациенты лежат по двое, четверо, иногда даже по шестеро человек. Обстановочка у них там, откровенно говоря, гнетущая, а лица у всех серые, безрадостные. Оказывается, мне ещё повезло оказаться в палате одной.

Останавливаюсь у последнего кабинета в самом конце коридора. На двери табличка – «Красавин В.Г.», и больше никаких опознавательных знаков. Несколько секунд я с глупым видом пялюсь на надпись, а затем спешу поскорее уйти, чтобы не встретиться с ним лицом к лицу.

После утренних обследований я достаю телефон и захожу в сеть. Ввожу название клиники и фамилию врача. Мне почему-то тепло от того, что я знаю, где находится кабинет этого важного доктора, и волнительно от того, что, если по-

везёт, я узнаю о нём ещё хоть что-то.

Интернет сообщает, что Красавин с отличием окончил лечебный факультет медицинской академии, затем поступил в клиническую ординатуру, в которой провёл ещё пару лет. Затем у него была стажировка в европейских урологических клиниках, затем работа врачом-урологом уже на родине. Потом он защитил свой первый диссертационный труд, стал кандидатом медицинских наук, совмещал научную деятельность с основной работой, и в этом году защитил вторую диссертацию. Ему присвоена степень доктора медицинских наук по специальности урология.

Мой мозг усиленно складывает числа.

Значит, ему сейчас тридцать четыре или тридцать пять? Конкретной информации на этот счёт нет, поэтому я листаю дальше и, наконец, вижу его фото. Нечёткое, явно с какого-то пропуска или с другого документа, но оно заставляет меня на мгновение отвлечься от пронизывающей боли.

Нет, у него нет хобота.

Я впервые вижу его лицо, и в груди разрастается жар.

Вспоминаю глубокий, низкий голос доктора, от которого точно так же разливается баюкающее, согревающее тепло по всему телу, и улыбаюсь. Черты его лица такие же чувственные и красивые, как его голос, а губы такие же мягкие и манящие, как и глаза.

Боже, чем таким они меня обезболили, что я так брежу наяву?

Мои пальчики летают по экрану, пытаюсь отыскать профиль Красавина во всех известных соцсетях, но нигде ничего не нахожу. Меня это почему-то сильно расстраивает, но тут на глаза попадается его страничка в Инстаграме.

Никакой личной информации, только профессиональная, но и её минимум. Несмотря на это, я внимательно просматриваю все его посты и отмечаю, что написаны они с долей эмоций и здорового сарказма.

«А у тебя есть чувство юмора, доктор», – отмечаю я.

Мне это нравится.

Определённо нравится.

Теперь этот истукан не кажется таким уж каменным.

И больше всего мне интересно, как же выглядит его улыбка, если она вообще появляется хоть иногда.

Я проглядываю все имеющиеся в профиле фотографии, но на всех них он максимально собран и серьёзен. И лишь на паре снимков можно заметить добродушную полуулыбку или же усталую ухмылку.

Но мне и этого достаточно, чтобы расцвести. Фантазия журналиста позволяет мне в красках додумать, как Красавин смеётся над какой-нибудь шуткой, качая головой, и вот я уже снова улыбаюсь.

– Доброе утро. – Отвлекает меня чей-то голос.

В комнату входят сразу двое врачей.

– Здравствуйте. – Я прячу телефон под подушку и сажусь.

– Так, посмотрим, – невысокий полноватый мужчина за-

глядывает в карту, – ясно. Как ваше самочувствие? Режущие боли при мочеиспускании? Боли в пояснице?

Он спрашивает что-то ещё и ещё, а я путано отвечаю, ощущая при этом разочарование и надежду.

«А где Доктор Красавчик? Он придёт?» – проносится в мыслях. И этот вопрос кажется сейчас куда более важным, чем боль в пояснице и думы о том, как жить дальше после предательства Никиты.

– Где локализована боль сейчас?

Я показываю.

Этот врач кажется мне рассеянным и совсем некомпетентным. А ещё он без маски и постоянно улыбается мне. Шутит, ободряет и даже пытается флиртовать.

– Если что-то не так, сразу сообщайте, хорошо? – Он касается моего локтя, а я подаюсь назад и брезгливо кутаюсь в халат.

Перед глазами встаёт лицо Красавина с фотографии в интернете. Смугловатая кожа, чётко оттенённая светлым воротом рубашки, и правильные черты лица: прямой, ровный нос, чувственный рот с симпатичной мягкой «галочкой» на верхней губе, блестящие чёрные волосы, приведённые в порядок аккуратной стрижкой, и густые тёмные брови. Идеальная мужская красота: не совершенная, не смазливая, спокойная.

– А... где доктор Красавин? – Вырывается у меня, когда делегация во главе с незнакомцем уже собирается покинуть

мою палату.

– А сегодня не его смена. – Бросает он с улыбкой, и они уходят.

Не его смена.

Ясно.

Через час в динамике телефона раздаётся визг Барракуды:

– Нельзя было заболеть в другое время, Кукушкина?

– Простите, что не согласовала это с моей почкой. – Отзываются я, меряя шагами палату и стараясь дышать ровно. – Представьте, ей вздумалось выяснить свои отношения с камнем именно сейчас!

– То есть, ты никак не сможешь провести интервью?

– Только если Дубровский не согласится приехать в отделение урологии. – Не выдерживаю я. – Как думаете, стоит у него об этом спросить?

Может, он и поухаживает за мной здесь, и подержит банку с мочой? Чем чёрт не шутит.

– Кукушкина!

Мне приходится отстраниться от трубки, чтобы в уши не влились потоки ворчания истеричной шефини.

– Я передам свои заметки и наработки тому, кто возьмётся за интервью, – наконец, не выдержав, добавляю я, – а теперь простите, мне нужно пойти и пописать в банку.

Я сбрасываю вызов.

Пусть увольняет.

Разве может быть что-то хуже этой боли?

Но телефон трезвонит вновь. Я выхожу в коридор и нажимаю «принять»:

– Если вы хотите наорать на меня ещё раз...

Но меня перебивает голос отца:

– Алиса, ты где? – Он взволнован.

– Я... а, привет. – Мой путь лежит через столовую, и я останавливаюсь, чтобы посмотреть на клейстер из каши и серого цвета котлетки в тарелках других пациентов.

«Фу-у-у». Меня начинает мутить.

– Я спрашиваю, ты где?!

– Пап, я не могу пока с тобой встретиться, у меня много работы. – Вру я.

Стараюсь быстрее покинуть это место. Удушливый запах тушёной капусты, зажарок и кислого молока проник уже, кажется, под самую кожу. Мне дурно, очень дурно.

– Что это за звук?

– Где? – Бормочу я, ускоряя шаг.

Мои братья по несчастью, словно сговорившись, начинают громче стучать ложками по тарелкам. Откуда у них аппетит? Я что, одна мучаюсь от боли в этом отделении?

– Где ты, дочка?

Надо же, вспомнил, что я его дочь.

– Я перезвоню! – Обещаю я и раздражённо скидываю вызов.

Возвращаюсь в палату, пью, иду в туалет, пью, корчусь от боли.

После таких мучений мне никакие роды не страшны. Снова пью, иду в туалет, пью, потею, стискиваю зубы – кажется, этот водоворот испытаний не закончится никогда.

К вечеру я вымотана сильнее, чем вчера. Волосы липнут к мокрому лицу, на ладонях следы от ногтей – я стискиваю пальцы в кулаки каждый раз, когда терпеть становится невыносимо, а выпитая вода действительно уже льётся из ушей, ведь походов в туалет со злосчастной банкой уже не счесть.

Я выгляжу и чувствую себя уже просто отвратительно, когда вдруг приходит сообщение от Кати: «Аллочка заставила МЕНЯ взять интервью у этого куска говна».

Прочитав, я собираюсь разреветься, беспомощно тяну носом воздух, сжимаю челюсти, и как раз в этот момент в дверь палаты раздаётся вежливый стук.

– Всё хорошо? – Спрашивает доктор Красавин, появляясь на пороге.

Его тёплые карие глаза лучатся светом, а остальное лицо закрыто маской, но даже с ней он одним взглядом может передавать любые эмоции, написанные на лице: беспокойство, тревогу, участие. Этот взгляд какой-то невероятный, честное слово.

– Здравствуйте, – взволнованно произношу я и шмыгаю носом.

Волнение накрывает меня с головой. Ужасно хочется поправить волосы, вытереть пот и слёзы, одёрнуть дурацкий бесформенный халат, а ещё срочно деть куда-нибудь живу-

щие собственной жизнью руки – да хотя бы, в карманы.

– Добрый вечер. – Говорит доктор, входя в палату.

И по мелким морщинкам в уголках его глаз я догадываюсь, что он улыбается.

Удивительно, но это маленькое событие заставляет мой мозг напрочь забыть о боли.

16

– Как ваши дела?

Это самое приятное, что я слышала за весь день. А в том, как он мягко и деликатно произносит каждое слово, ощущается просто океан заботы.

– По-прежнему. – Выдыхаю я.

Оказывается, маленькой девочке во мне всего-то и нужно было, что немного сочувствия и участия. Ей нужно было, чтобы её пожалели. И даже несмотря на то, что взрослая Алиса во мне жалости не терпела, её маленькая копия в самой глубине души отчаянно в ней нуждалась.

– Я посмотрел ваши анализы. – Говорит Вадим Георгиевич, подходя ближе.

Я совершенно не хочу ничего чувствовать по отношению к мужчине, который вчера был таким бесчувственным сухарём, что даже не достаивал меня взглядом. Не хочу, чтобы мне нравился доктор, с которым по окончании лечения меня не будет связывать ничего, кроме выписки из истории бо-

лезни. Не хочу думать о нём, потому что всё моё внимание должно сейчас быть сосредоточено на моём будущем ребёнке.

Но я ничего не могу с собой поделать – моё тело *реагирует* на этого человека. Оно *хочет* это делать и *делает это* помимо моей воли. Даже боль притупляется по мере того, как Красавин сокращает с каждым шагом расстояние между нами.

– Пока всё без изменений, но это нормально. И даже хорошо. – Он медлит, изучая меня взглядом, а затем делает ещё шаг. – Надеюсь, процесс скоро пойдёт.

Теперь, когда мужчина стоит ко мне почти вплотную, я в полной мере осознаю, какой у него рост. У меня не получится смотреть ему в лицо, даже если я встану на цыпочки. А если он наклонится и будет целовать меня дольше минуты, то я упаду в обморок просто от того, что у меня затечёт шея.

Соглашусь, это весьма странные мысли для того, кто находится в положении, и кто испытывает в данный момент острые боли, но именно эти мысли сейчас захватывают мой мозг.

Я не могу не думать о том, что мне приятен и симпатичен этот доктор.

Пока он говорит мне что-то о том, что «хорошо, что это случилось не на позднем сроке», я комкаю потными пальцами ткань халата и думаю о том, что, если он обнимет меня сейчас, я уткнусь носом прямо в его грудь. А он сможет

положить свой подбородок мне на макушку, как на полочку для книг.

Боже, он просто великан! И это привлекает меня ещё сильнее.

Наверное, во всём виновата природа: каждая женщина мечтает ощущать себя маленькой, невесомой и защищённой в объятиях большого и сильного мужчины.

В случае Красавина это работало бы идеально. Но я стряхиваю с себя глупые фантазии – самое время вернуться в реальность, где он – всего лишь мой лечащий врач, а я – его пациентка, выглядящая в этот момент, надо признать, не самым лучшим образом, да ещё и, к тому же, беременная. Так себе почва для завязывания каких-либо отношений.

– Когда вы в последний раз мочились? – Возвращает меня в реальность его вопрос.

– Что? – Я спускаюсь с небес на землю.

– Когда в последний раз ходили в туалет? Резь при мочеиспускании присутствует? – Его, кажется, совсем не смущают ни вопросы, ни формулировки.

А я густо краснею потому, что перехватываю взгляд мужчины: он направлен на долбанную банку с мочой, стоящую на тумбочке.

Чёрт подери все их местные порядки! Нужно было спрятать её хотя бы под кровать!

– Десять минут назад, – блею я.

Мне хочется провалиться под землю.

И почему, скажите, вселенная всё устраивает именно так, что ты попадаешь в поле зрения сексуального красавчика как раз в тот момент, когда твоя жизнь катится в пропасть, твоё лицо от слёз напоминает раздутый шар, твои волосы скатаны в липкие комья, а венчает всё это безобразие банка твоей же собственной мочи, царственно стоящая на всеобщем обозрении посреди палаты? По-че-му-у-у?

– Б-бегаю каждые п-полчаса по чуть-чуть... – пытаюсь объяснить я, пряча взгляд. – И...

Что-то говорю, говорю и чувствую, как жар густо ударяет в голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.